

У КУРОРТНЫХ РОМАНОВ
ЕСТЬ ОДНО ПРАВИЛО:
НИКАКИХ ПРОДОЛЖЕНИЙ.

Кофе С МЕНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Э Л Ф И Р И Д

18+

Элфи Рид

А кофе с меня

<https://litres.ru/74488177>

SelfPub; 2026

Аннотация

У курортных романов есть одно правило — никаких продолжений.

Самойлов был уверен, что с этим справится. Особенно с женщиной, которая бесит его с первой встречи, отвечает на каждую колкость и совершенно не собирается падать к его ногам.

Но Италия, вино и слишком много времени рядом делают своё дело. Перепалки становятся флиртом, раздражение — притяжением, а мужчина, привыкший держать всё под контролем, первым начинает его терять.

Если вы любите наблюдать, как самоуверенный мужчина медленно, красиво и безнадёжно влюбляется — вам сюда. #

1 книга трилогии. О да, они будут долго сомневаться и взвешивать свои решения остро и напряжённо.

Содержание

Глава 1. Первое впечатление	4
Глава 2. Дорога дальняя	12
Глава 3. Переговоры	24
Глава 4. Сюрприз	29
Глава 5. Колючий	35
Глава 6. Спокойной ночи	37
Глава 7. Светлая полоса	40
Глава 8. Темная полоса	44
Глава 9. Благословенная тишина	51
Глава 10. Утренний привет	54
Глава 11. Полный состав	57
Глава 12. Ночной клуб	64
Глава 13. Рыцарь	73
Глава 14. Босиком	76
Глава 15. Гиены	81
Глава 16. Проблема №6	86
Глава 17. Цена независимости	101
Глава 18. Привкус вины	103
Глава 19. Поехали! Или приплыли	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Элфи Рид

А кофе с меня

Глава 1. Первое впечатление

Глеб

Шасси коснулись полосы с тем самым коротким, сухим стуком, который всегда означал одно: две недели отпуска и полной потери контроля. За иллюминатором Милан встретил нас ослепительно ярким, почти стерильным весенним светом.

Салон самолёта мгновенно превратился в хаотичный улей. Люди вокруг засуетились, как будто от пары минут ожидания зависела их жизнь. Я наблюдал за этим с привычным раздражением: бесконечный шум, торопливые попытки вырваться на волю, чемоданы, которые они всё равно не заберут быстрее, чем их выгрузят.

Через минуту в айфоне ожил интернет, и экран запестрел уведомлениями. Общий чат буквально взорвался:

«Мы уже у багажа».

«Ау, Самойлов?»

«Не потеряйся там».

«Италия, детка!»

Усмехнувшись, закинул рюкзак на плечо. После четырёх

часов полёта реальность казалась слегка размытой: чужой язык вокруг, пропитанный солнцем воздух и свет, от которого ломило глаза. Организм ещё не успел осознать, что Москва с её вечными дедлайнами осталась где-то там, в сером далеке.

По рукаву терминала направился в сторону зоны выдачи багажа, где меня уже ждали друзья.

Мы прилетели сюда вчетвером.

Я — напрямую из столицы, остальные — из своего города.

Стас с Юлькой были вместе уже года три, и рядом с ними всегда не покидало ощущение какого-то бесконечного шумного сериала. Они то смеялись, то спорили, то врубали взаимные подколы каждые пять минут. Могли разругаться из-за полной ерунды, а через полчаса вместе ржать так, будто ничего не было. Настоящая итальянская семейка — громкая, эмоциональная и абсолютно счастливая внутри своего хаоса.

И ещё с ними была какая-то девушка.

Лицо казалось знакомым — наверное, мелькало на фотографиях у общих друзей. А может, вообще не видел её раньше, просто показалось. Тогда этому значения не придавал. Девушка и девушка. Подруга Юльки, скорее всего, её ровесница, лет двадцати пяти.

На днях к нам должна была присоединиться ещё одна пара друзей из Питера — Лена и Игорь. У них отпуск начинался позже. А пока нас было четверо.

Две недели в Италии.

Вообще, если честно, ехать я не собирался до последнего. Это Стас меня дожал. Ну и жизнь очень вовремя подтолкнула в спину.

На прошлой неделе меня окончательно выбесила Алёна. Мы работали вместе уже четвёртый год. Я руководил строительством федеральных трасс и дорожных развязок — мотался по стране между объектами, министерскими совещаниями и вечными дедлайнами. Алёна отвечала за юридическое сопровождение крупных контрактов и переговоры с подрядчиками. Она умела разговаривать так, что люди либо соглашались с ней сразу, либо через десять минут думали, что сами предложили её вариант.

У нас был роман.

Хотя романом это назвать сложно. Скорее удобная взрослая история без обязательств, сопливых признаний и всей этой красивой мишуры. Иногда ужины после работы. Иногда ночи вместе в командировках. Короткие сообщения в час ночи: «Ты спишь?»

Без любви. По крайней мере, мы оба делали вид, что без неё. Она была старше меня на пару лет. Почти разведена. «Почти» — потому что её муж уже третий год жил где-то в Штатах, и они продолжали зависеть в этом странном анабиозе между браком и окончательным расставанием. Не вместе, практически не общаются, но и точку никто не ставит.

При этом всё это время он продолжал её спонсировать. Квартира, карты, поездки, привычный уровень люкса — ни-

куда не исчезли даже после их расставания. Хотя сама Алёна зарабатывала отлично, но деньги тратила ещё лучше. Жить скромнее она просто не умела и не собиралась учиться.

А тут благодетель вдруг заикнулся о прекращении финансирования. И почти одновременно Алёна пронюхала, что в Штатах у него появилась какая-то серьёзная женщина. Вот тогда она и засуетилась. Не потому что страдала или умира-ла от любви. Нет. Скорее включился азарт.

Ей нужно было проверить, что происходит. Посмотреть на соперницу. И, если понадобится, победить её просто потому, что Алёна привыкла побеждать.

Она вообще ко всему относилась удивительно легко. Без драм, без истерик, без надрывов. Даже измены и расстава-ния у неё звучали как часть игры, в которой главное — не потерять удовольствие от процесса.

И вот на прошлой неделе она внезапно решила лететь к нему мириться.

И как-то после рабочего дня села ко мне в кабинете на край стола и на полном серьёзе начала спрашивать, как муж-чине было бы эффектнее увидеть женщину после долгой раз-луки.

В платье или в джинсах? С распущенными волосами или собрать? Встретить его спокойно или сразу на шею бросить-ся?

И вот тогда меня накрыло. Не ревность, нет. Глухое, безгловое раздражение. Я вдруг отчетливо понял, что со-

вершенно не хочу участвовать в этом цирке. Не хочу быть эмоциональным консультантом в чужом браке. Это было унижительно. Я просто собрал вещи и согласился на предложение Стаса.

Казалось бы — лети, выдыхай, Самойлов. Ага, щас.

Отпуск начался не с кофе. Взгляд машинально скользнул по нашей новой попутчице. Миленькая. Светленькая. Одежда стильно. И выглядит так, будто её успели люто выбесить ещё до начала отпуска. Либо злая на весь мир, либо в башке крутится какой-то непрерывный тяжёлый мыслительный процесс.

Мы со Стасом кое-как стащили с ленты гигантский чемодан Юльки. Такое чувство, будто она собиралась не на две недели в Италию, а переезжать сюда навсегда.

— Юль, у тебя там кирпичи? — выдохнул Стас, вытирая лоб.

— Это косметичка, не ной, — невозмутимо отозвалась она.

— Судя по весу, вместе с чугунной ванной, — пробормотал друг, перехватывая ручку.

И Юлька вдруг заверещала на весь терминал:

— Вот, Ульян! Вот твой! Ловите!

К нам медленно подъезжал коричневый чемодан с узнаваемой монограммой Louis Vuitton. Ну конечно. Чемодан для понтов. Кто вообще покупает за такие деньги вещь, которую швыряют грузчики в багажный отсек? Наверное, очередная

мажорка. Или чья-то красивая игрушка, которую папик отпустил погулять с подружкой в Италию, чтобы та пошопилась и попила просекко для сторис.

Мы одновременно с ней потянулись к ручке её багажа. Девушка резко вскинула голову и впервые посмотрела прямо на меня. Голубые глаза. Очень выразительные и абсолютно, сука, недружелюбные.

— Я сама.

Даже не сказала — отрезала. Хлётко, как пощёчина.

Ручку отпускать не хотелось, но она повторила, чеканя каждое слово:

— Я са-ма!

Сказано было таким тоном, будто я только что попытался украсть её паспорт, деньги и заодно продать на чёрном рынке. От такого напора даже слегка опешил.

— Просто джентльменская помощь, — включил дежурное обаяние. — Или ты думаешь, я чемоданы тут ворую?

— Сказала же — сама.

— Приятно познакомиться. Глеб, — представился максимально дружелюбно, предпринимая последнюю попытку сгладить острые углы. — А тебя как зовут?

Она вопросительно посмотрела на Юльку.

Та только пожала плечами с видом мол: «Разбирайтесь сами». Тогда новенькая снова перевела на меня всё такой же колючий взгляд, дёрнула ручку чемодана на себя и пошагала мимо.

Даже не ответила. Вот же стерва.

Я выдохнул. Ладно. Проехали. Но предчувствие, что эта поездка будет стоить мне нервов, начало перерастать в уверенность.

Мы со Стасом плелись следом.

Он — с гигантским чемоданом своей «почти жены» и ручной кладью. Я — с рюкзаком и внезапно испорченным настроением. В Италии я не впервые, но обычно путешествовал один или в сугубо мужской компании.

— Стас, попроще никого нельзя было взять? — я на ходу поправил часы, не замедляя шага в толпе терминала. Голос прозвучал глухо и жестко. — Только ещё одной манерной куклы мне сейчас для полного счастья не хватало.

Стас лишь примирительно вскинул ладони, хотя в его глазах уже плясали чертенята. Ситуация с чемоданом, его, в отличие от меня, явно забавляла.

— Ну извини, бро. Это подруга Юльки, — он развёл руками, как бы снимая с себя ответственность за этот форс-мажор. — Причём, поверь, самая адекватная из её окружения.

Невольно задержался у панорамного окна, провожая взглядом её прямую, как струна, спину. Подбородок задран, шаг уверенный. Внутри снова шевельнулось тяжёлое раздражение.

— О боже... — я многозначительно усмехнулся, не скрывая скепсиса. — Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...

Девчонки шли впереди. Юлька налегке что-то эмоционально тараторила, размахивая руками, а Ульяна спокойно катила свой люксовый чемодан сама, будто принципиально отказывалась принимать помощь от этого мира.

Обзор у меня, к слову, был отличный. И бесило это сильнее всего. Потому что фигурка у этой колючки была что надо — идеальные пропорции, точеные бедра.

Я поймал себя на мысли, что уже отчетливо представляю, как через пару дней весь этот её напускной холод начнёт трещать по швам. Как исчезнет этот надменный взгляд и она перестанет делать вид, что я для неё — пустое место.

От этой мысли в сознании проснулся чисто спортивный, мужской азарт. Не из-за внезапной симпатии, нет. Просто меня ещё никогда так откровенно и борзо не посылали в первую же минуту знакомства.

Глава 2. Дорога дальняя

Трансфер тащился мучительно долго. Уже минут сорок перед глазами тянулись одинаковые итальянские трассы, редкие заправки и выжженные солнцем холмы, а я искренне не понимал, какого чёрта нас занесло в такую глушь.

Нет, виды вокруг были симпатичными. Но точно не настолько, чтобы трястись ради них через полстраны после перелёта. Почему нельзя было остаться в Милане или забронировать отель поближе к аэропорту? Вопрос риторический.

Потому что маршрут выбирала новенькая.

Ей, видите ли, приспичило найти «маленький атмосферный город у воды с набережной и аутентичными закатами». Юлька потом полвечера восторженно транслировала эти бредни в общий чат, а Стас, как обычно, соглашался на всё подряд, лишь бы любимая женщина не выносила мозг. И вот результат. Мы мариновались в минивэне уже третий час.

Причём кондиционер сдох через двадцать минут после выезда из терминала. В салоне становилось всё жарче. Стас рядом уже откровенно плавился и тихо матерился в окно, Юлька обмахивалась загранпаспортом, а водитель с абсолютно счастливым лицом слушал итальянское радио и, кажется, вообще не замечал, что мы тут медленно умираем.

Новенькая сидела впереди, у самого окна. И меня отдельно выбешивало, с каким невозмутимым видом она перено-

сила эту пытку. Солнечные очки на пол-лица, светлые волосы небрежно заколоты на макушке, локоть на подоконнике. Будто это не душный трансфер после перелёта, а съёмка рекламы дорогих отпусков.

Только иногда она всё-таки устало прикрывала глаза и чуть морщилась от жары. Я зло усмехнулся про себя. Ну давай, принцесса. Это же твоя гениальная идея. Наслаждайся своими закатами.

Минивэн наконец свернул с трассы, проскрипел колесами по узкой брусчатке и затормозил у трехэтажного дома из светлого облупившегося камня. Старые ставни, потертые балконы в герани — всё очень по-европейски, аутентично. Немного старое, немного неидеальное, но именно из-за этого — атмосферное.

Я выбрался наружу и с удовольствием вдохнул воздух после душного салона.

— Ну, хоть не сарай, — прохрипел Стас, вытаскивая из багажника баулы.

И тут выяснилось то, чего и следовало ожидать: лифта в доме нет. А наша съёмная квартира находится на самом последнем этаже. Я посмотрел на крутую лестницу, потом на гигантский чемодан Юльки, который весил как средний мотоцикл. Стас проследил за моим взглядом.

— Если я сдохну где-то между вторым и третьим этажом, скажите маме, что я её любил, — тяжело выдохнул он.

Юлька закатила глаза:

— Не ной. Там всего три пролёта.

— «Всего», — передразнил он, хватаясь за ручку.

Квартиру тоже выбирали девчонки. Точнее — надменная новенькая. Вместо нормального сетевого отеля она зачем-то сняла огромные апартаменты с тремя спальнями и общей гостиной. Поначалу идея показалась мне сомнительной. Но пока мы с матами тащили Юлькин багаж наверх, я неожиданно поймал себя на мысли, что в этом есть свой плюс. Никаких отельных завтраков по расписанию и толпы туристов под дверью. Своя кухня, вино в холодильнике, вечерние посиделки. Было в этом что-то... настоящее.

Как будто мы приехали не просто в отпуск, а временно пожить другой размеренной жизнью.

Ульяна

Пока минивэн подпрыгивал на кочках, я смотрела на проплывающие мимо пейзажи и всё сильнее паниковала.

Серьёзно.

Ульяна, зачем тебе этот отпуск?

Я же не из тех людей, которые спонтанно срываются в Италию на пару недель. У меня всё обычно расписано, подсчитано и разложено по папкам в голове.

Эту поездку я вообще не планировала.

Я полгода откладывала деньги на новый компьютер.

Нормальный мощный моноблок для работы, потому что мой старый ноутбук почти умер. Он перегревался, зависал на рендерах и издавал звуки, будто вот-вот взорвётся. Из-за

этого последние месяцы мне приходилось почти каждый вечер задерживаться в офисе часов до девяти, чтобы пользоваться рабочим компьютером.

Пустые кабинеты. Шум кондиционеров. Холодный свет.

И это ощущение, будто жизнь опять проходит где-то мимо меня. Но вместо компьютера я почему-то сейчас ехала в душном минивэне в Италии. Всё потому, что Юлька умеет уговаривать людей с грацией коллектора.

Сначала она неделю ныла, что я «совсем одичала в своей работе», потом завалила личку рилсами с набережными и бокалами вина, затем подключила Стаса, а в финале просто отрезала: «Всё, я уже купила тебе билет, будем сидеть рядом». Отказать после такого было выше моих сил.

Но больше всего меня бесило то, что, затащив меня в этот блудняк, организацию Юля полностью перевесила на меня. Видите ли, она готовится к свадьбе, у неё «абсолютный расфокус и лапки». В итоге жильё искала я, трансфер бронировала я. Сравнивала районы, читала отзывы, считала бюджет, проверяла, чтобы рядом были магазины и нормальная набережная — тоже я. Юля лишь присылала ленивые голосовые: «Уль, ну выбери что-нибудь Красиивое, я тебе доверяю». Иногда мне казалось, что она и собственную свадьбу делегирует мне.

Разумеется, я выбирала варианты, исходя из своего скромного бюджета. Именно поэтому мы сейчас тряслись через половину Италии без кондиционера. И чем дольше длил-

ся этот трансфер, тем сильнее мне казалось, что друзья меня уже тихо ненавидят.

Особенно этот сигмабой, друг Стаса.

Его взгляд я буквально чувствовала спиной последние минут сорок. Наверное, он уже сто раз пожалел, что вообще поехал. И отдельно — что согласился на квартиру, которую нашла какая-то незнакомая ему девчонка.

Хотя если бы они сами занялись организацией, всё было бы ещё хуже. Но уже для меня. Всё превратилось бы либо в хаос, либо в отпуск стоимостью как чья-то ипотека. Юлька выбирала жильё исключительно по вайбу. Её вообще не интересовали цены, расстояния или отзывы. Если на фотках был красивый балкон, гирлянда и чашка кофе на фоне моря — всё, «надо брать».

Стасу было всё равно, лишь бы рядом была парковка, пиво и не слишком много чужих людей вокруг.

А этот самоуверенный новенький...

Знала я его плохо, вообще не видела ни разу, но таких мужчин считаешь мгновенно. Они обожают комфорт, но пальцем не ударят, чтобы его организовать, просто материализуются в готовом красивом месте, а потом снобски кричат губы, если кондиционер шумит или ехать пришлось на двадцать минут дольше. Так что не надо тут. Если бы не я, они бы сейчас бронировали отель в панике прямо у стойки регистрации, переплатив тройной тариф.

А так хотя бы всё было нормально.

Чистая квартира... надеюсь. Море рядом. Красивый город. И цена, после которой мне не хотелось открывать банковское приложение с валидолом.

Минивэн наконец свернул на узкую улицу и остановился возле нашего дома. И я моментально ожила. Выскочила наружу первой, глубоко вдохнув прохладный морской воздух. После душного салона это было почти счастье.

Вечерний ветер пах солью, камнем и чем-то сладким — то ли цветами с балконов, то ли выпечкой из соседнего кафе.

Я подняла голову вверх.

Старые дома. Узкие улочки. А там, впереди, в узком разрезе между фасадами, вдруг блеснуло море.

И внутри всё стало спокойно.

Да, далеко. Да, без кондиционера мы чуть не умерли. Но место оказалось именно таким, как я хотела.

Пока парни с приглушёнными матами волокли Юлькин неподъёмный чемодан на третий этаж, мы с подругой шли следом. Главным плюсом этой квартиры для меня была даже не цена, а выход на крышу прямо с лестничной площадки. Я заметила эту деталь еще на сайтах бронирования и влюбилась. Небольшая открытая терраса наверху, старые черепичные крыши, море где-то вдали и закаты. Я уже заранее представляла, как вечером притащу туда всех с вином и устрою маленький сюрприз. Наш идеальный первый ужин.

Юлька первой влетела в квартиру и оглушительно завизжала. Я замерла, молясь, чтобы реальность не оказалась сы-

рым клоповником с тараканами — после развалюхи минивэна это стало бы финальным аккордом моего позора. Но, осторожно зайдя следом, я тут же выдохнула. Квартира оказалась очень даже классной. Светлая. Большая.

И с этими типичными итальянскими деталями, которые на фото выглядят красиво, а в жизни ещё создают ощущение настоящего дома. Светлый каменный пол. Высокие потолки. Атмосферные шторы на окнах. Немного потертая, но стильная мебель.

Из коридора налево была ванная, а прямо — большая кухня-гостиная. А из гостиной расходились три двери в спальни. И я впервые за весь день почувствовала, что отпуск, возможно, всё-таки был хорошей идеей.

Юля мгновенно унеслась штурмовать комнаты и, разумеется, тут же оккупировала спальню с самым роскошным видом. Ну да, кто бы сомневался. Пока она раскладывала вещи и восторженно что-то кричала Стасу через всю квартиру, я осталась на кухне рассматривать посуду, кофейные чашки и всякие мелочи. Мне всегда нравилось это ощущение первых минут в новом месте. Когда ещё никто толком не устроился, чемоданы стоят в проходе, а квартира пока кажется чужой и временной.

Из прихожей доносилось тяжелое дыхание парней, которые буквально упали на стены, вытирая пот после маршброска с багажом.

Я тихо улыбнулась и пошла в ванную умыться.

А когда вернулась, вдруг поняла, что в квартире осталась свободной только одна спальня.

И тут до меня медленно дошло.

Стоп.

Эта комната вообще-то предназначалась для Лены и Игоря, которые приедут послезавтра.

А где тогда буду спать я?

План изначально был простой: друг Стаса — как его там... Глеб, кажется — занимает диван в гостиной. Но, пройдя чуть дальше я увидела открытую дверь последней спальни.

И самого Глеба.

Он спокойно развешивал свои вещи в шкаф, будто уже всё давно решил.

— Упс.

Я мысленно выдохнула.

Ладно. Спокойно. Сейчас просто нормально поговорим.

Хотя Юлька ещё до поездки отдельно предупреждала меня насчёт него. Сказала быть осторожной, что он, скорее всего, едет сюда «развезаться», потому что у него какие-то проблемы с девушкой в Москве. Или не девушкой. Или любовницей. Я особо не вникала.

Но вывод сделала сразу.

Именно поэтому в аэропорту я держалась максимально холодно. Все эти мужские «давай помогу», «донести чемодан?» и прочие джентльменские манеры я давно научилась

воспринимать с осторожностью. Особенно от слишком уверенных в себе мужчин.

Слишком часто за вежливостью оказывался скрыт вполне конкретный интерес.

Так что иллюзий я себе не строила.

Я подошла к дверному проему и постаралась выдать максимально дружелюбную улыбку.

— Слушай... Тут небольшая путаница вышла.

Он обернулся.

— Вообще эта комната планировалась для меня, а диван в гостиной вроде как... для тебя. Лена с Игорем приедут на днях, я не могу занять их спальню.

Он замер с вешалкой в руках и молча слушал.

Я продолжила уже мягче:

— Ну ты же мужчина. Тебе ведь не особо принципиально, где спать.

В этот момент выражение его лица стало непередаваемым. Его брови удивленно приподнялись, а тяжелый, оценивающий взгляд медленно, без всякого стеснения прошелся по моим босым ногам, шортам, белому топу, остановился на ключицах и только потом вернулся к глазам. Но пошлости в этом не было. Скорее — глубокое, искреннее недоумение. Будто я сказала что-то совершенно неожиданное. И предлагала ему не диван в гостиной, а коврик где-нибудь на крыше.

Крыша.

Точно.

Я вдруг вспомнила про свой сюрприз и на секунду даже отвлеклась от разговора.

— Давай решим вопрос сразу. Пойдем, посмотрим диван,
— уверенно скомандовала я и развернулась.

Правда, вся моя уверенность закончилась ровно в тот момент, когда я ещё раз внимательно посмотрела на диван. Вчера на фотографиях он выглядел винтажным и стильным. В реальности он оказался... уставшим.

Очень уставшим.

Большой коричневый кожаный монстр, которому, кажется, было лет сто. Мягкий настолько, что человек в нём буквально проваливался. Поверхность буграми, сиденья разделены на три части, никаких ровных подушек и нормального спального места.

Я остановилась.

Снова “Упс”.

Мы молча смотрели на диван секунд, наверное, тридцать. Потом ещё тридцать.

Кажется, Глеб был в шоке.

А я стояла рядом и тихо сгорала от стыда, потому что ещё вчера восторженно отправляла всем фотки этой квартиры с подписью: «Смотрите, какая атмосферная».

— Ты серьёзно? — наконец спросил он.

Я молчала.

Глеб повернулся ко мне, засунув руки в карманы:

— В спальне кровать метра под два. Мы там даже не пе-

ресечёмся физически. Да и, если честно, у меня вообще нет желания с тобой как-то... взаимодействовать.

— Мы не будем спать в одной комнате, — моментально вспыхнула я. — И уж тем более в одной кровати.

— Почему? — спокойно спросил он. — Ты же выбирала эту квартиру. И так её расхваливала всем в чате. Ты не задумалась, что всем нужно где-то спать?!

— Я не думала, что диван окажется...

— ...экспонатом из музея девятнадцатого века? — закончил он.

Я раздраженно выдохнула, скрестив руки на груди. Глеб снова посмотрел на диван и усмехнулся уже откровенно:

— На нём, может, и удобно сидеть. Но я вообще-то сидя не сплю.

Потом сделал шаг в сторону и показательно махнул рукой: — Так что welcome. Забирай себе.

Весь сегодняшний день был похож на дурацкие эмоциональные качели: то безумно красиво, то ужасно, то хочется провалиться сквозь землю. Чего стоил один только мой полёт — первый в жизни.

Я до последнего делала вид, что абсолютно спокойна. Даже в аэропорту держалась нормально. Но когда самолёт начал взлетать, у меня внутри буквально всё оборвалось.

Половину дороги я сидела, вцепившись в руку подруги.

Периодически молилась. Иногда даже вслух.

Юлька сначала смеялась, потом начала гладить меня по

плечу и успокаивать:

— Уль, прекрати.

В какой-то момент сидящий через проход мужчина даже обернулся на моё:

— Господи Иисусе...

Но потом были пушистые облака за окном. Солнце. Милан. Море. Эти старые улицы.

И я снова чувствовала себя счастливой.

А потом опять мои косяки.

И всё по новой.

Глава 3. Переговоры

Юлька уже оккупировала ванную, выстроив на полочках батарею из своих баночек, Стас ушёл в душ. На кухне уже стояли открытые пачки пасты, сыр, какие-то снеки и бутылка вина, которую они купили по дороге.

Мы даже успели на скорую руку перекусить. А мой чемодан всё ещё одиноко стоял у входа. Потому что вопрос со спальным местом так и не решился. И что хуже всего — Глеб будто специально отказывался нормально это обсуждать.

После истории в аэропорту и позорного осмотра дивана он явно на меня обиделся. Хотя, если честно, я до сих пор не понимала почему настолько. Ну да, встретила прохладно. Ну да, попросила уступить комнату. Подумаешь, цаца какая. Однако теперь при любой попытке вернуться к теме жилья этот сноб либо язвительно отшучивался, либо переводил разговор на Стаса, либо смотрел на меня как на личного врага, который умудрился испортить ему весь отпуск.

И от этого я начинала раздражаться всё сильнее. Потому что чувствовала себя виноватой. Хотя вроде бы не должна была.

Я сидела за барным столом, ковыряя вилкой остывшую пасту, и краем глаза следила, как он спокойно пьёт воду у окна, глядя вдаль, будто вообще никаких проблем не существует. А проблема существовала! И спать мне всё ещё было

негде!

Каждая секунда его безмятежности давила на нервы сильнее, чем этот продавленный диван. Надеюсь всё-таки как-то его уговорить, я решила, что топор войны пора зарывать. Вздохнула и зашла с козырей. Налила себе немного красного сухого, покрутила бокал в руках и состроила максимально невинное лицо. — Может... всё-таки перемирие? — осторожно спросила я. — Выпьешь со мной?

И даже попыталась приветливо улыбнуться.

Глеб повернул голову. В его глазах по-прежнему стоял арктический холод. Он не ответил. Вместо этого он неторопливо оттолкнулся от подоконника и подошел ближе. Слишком близко.

И неожиданно положил ладонь поверх моей — спокойно, уверенно, по-хозяйски.

У меня внутри всё моментально напряглось.

Он чуть наклонился к моему уху и тихо, отчётливо произнёс:

— Твои глазки оленёнка Бэмби на меня не работают.

Я замерла, боясь сделать вдох.

— Я не собираюсь четырнадцать дней подряд спать там, где физически невозможно.

Он слегка сжал пальцами мою руку и так же спокойно добавил что-то вроде:

— Если хочешь — вторая половина кровати твоя.

А потом отпустил меня и отошёл обратно так, будто ни-

чего сейчас не произошло. А я осталась сидеть с открытым ртом. Моему негодованию и возмущению не было предела.

Глеб

Я стоял у окна, разглядывая вечерний город. Квартира, надо признать, оказалась действительно неплохой. Старая, просторная, со специфическим итальянским уютом: где-то внизу тарахтели мопеды, с набережной доносился приглушенный гул голосов, а из открытых ставней тянуло солью и ночной прохладой.

Но удовольствия от этого было мало.

Потому что день меня вымотал к чёрту.

И выбесил.

Точнее, не сам день. А одна слишком самоуверенная персона. Если не умеешь нормально планировать — не берись.

Я мысленно уже который раз прокручивал весь сегодняшний цирк: раздолбанный минивэн через половину страны, душающая жара, диван, на котором даже собака спать откажется, и её борзый тон в аэропорту. Вечное ощущение, будто она заранее всем недовольна и одновременно уверена, что права!

При этом на меня она смотрела так, словно проблемы создаю исключительно я! Новенькая сидела за стойкой, гипнотизируя вилкой тарелку с макаронами. Иногда косилась в мою сторону. Подозрительно так.

Наверняка уже придумывала очередной способ использовать меня в своих интересах. И тут принцесса налила себе

вина. Потом тихо постучала вилкой по бокалу, привлекая моё внимание.

Я повернул голову.

И этот её взгляд... мягкий, призывный. Эти большие светлые глаза.

Кот из «Шрека»?

Нет.

Оленёнок Бэмби.

Точно.

Вот кого она мне напоминала с первой секунды. Только я совершенно не верил в эту милоту и наивность.

Может, потому что ещё слишком свежа была история с Алёной. С её вечными играми, манипуляциями и лёгкостью, за которой всегда скрывался холодный расчёт. И, возможно, именно поэтому меня так раздражала Ульяна. Она вдруг стала для меня собирательным образом всех этих красивых, инфантильных девиц, которые уверены, что мир обязан прогнуться под их хотелки.

Я поставил стакан и подошел к ней. Нарочито спокойно. Уверенно. Без суеты. Опустил ладонь прямо на её пальцы, чувствуя, как она мгновенно напряглась. Наклонился чуть ближе и тихо сказал:

— Твои глазки оленёнка Бэмби на меня не работают.

Она замерла, уставившись на меня в упор.

— Я не собираюсь две недели гробить спину на этом кожаном убожестве, — продолжил уже ровнее, глядя в её по-

темневшие синие глаза. — Так что учимся существовать как взрослые люди.

Потом слегка сжал пальцами её руку и добавил:

— Если хочешь — вторая половина кровати твоя, границы я соблюдать умею. Либо сама ложись на этот музейный экспонат. Потому что я туда не перееду.

Я отпустил её руку, развернулся и вышел из квартиры. Нужно было проветриться. Иначе ещё немного — и мы бы точно начали громко ругаться в первый же вечер.

Спустившись по старой лестнице, я вышел к набережной и пошёл вдоль воды. Вечерний воздух наконец был прохладным. Море шумело совсем рядом, играла музыка, люди сидели в кафе с вином и смеялись так легко, будто никаких проблем в жизни не существовало.

Автоматически посмотрел в телефон. На экране висело свежее сообщение от Алёны — пафосное селфи на фоне знака Hollywood. Я швырнул в ответ сухое «класс» и заблокировал экран. Глубоко вдохнул и сунул руки в карманы.

Похоже, отпуск обещал быть очень печальным.

Глава 4. Сюрприз

Когда я вернулся, было уже около девяти вечера. В квартире стояла тишина. Я захлопнул за собой массивную дверь, оглядел гостиную и заметил, что её «Луи Виттон» на колёсиках по-прежнему караулит вход. Нетронутый. Стоит как немой упрек моей несговорчивости.

Я устало провёл рукой по затылку, чувствуя, как внутри мгновенно вспыхнуло совершенно идиотское желание слегка пнуть этот пижонский чемодан ногой. Просто символически. Но я сдержался.

Лишь хмыкнул себе под нос и достал телефон.

Стас ответил почти сразу:

— Buongiorno, бро!

— Тогда уж Buonasera, умник. Вы где все вообще?

На фоне тут же послышался шум голосов, музыка и Юлькин громкий смех.

— В смысле где? На крыше!

Я нахмурился, оглядывая пустой коридор:

— На какой ещё крыше?

— Да тут выход есть наверху! — проорал он так, будто находился на концерте. — Улька нашла. Тут офигенно вообще!

Я уже хотел спросить, далеко ли они ушли, как вдруг услышал шаги на лестнице. Стас появился в дверях кварти-

ры с бутылкой вина в руке и довольной физиономией.

— О, явился. Пошли со мной.

— Куда тебя несёт?

— На крышу, говорю же. Там реально классный сюрприз от Ульки.

Я переспросил:

— От Юльки?

— Да нет, от Ульяны.

Я скептически усмехнулся и закрыл за собой дверь.

— Пфф. От этого человека я ничего классного уже не жду.

Стас только заржал и хлопнул меня по плечу, пока мы поднимались по крутым каменным ступеням.

— Да расслабься ты уже. Вас двоих вообще нельзя рядом оставлять — вы так и искрите.

— Мы не искрим, — сухо ответил я, поднимаясь за ним по лестнице. — Она меня раздражает.

— Ага, конечно.

— Потому что она ведёт себя как избалованная диснеевская принцесса.

— А ты как дед после трёх разводов.

— Мне тридцать два, Стас.

— По энергетике — все семьдесят.

Я открыл было рот, чтобы выдать емкий и очень язвительный ответ, но Стас уже толкнул массивную деревянную дверь, ведущую наверх.

И тут я заткнулся.

Открывшаяся панорама оказалась неожиданно мощной. Я притормозил у самого порога.

Тёмное южное небо.

Тёплый ветер.

Огни города внизу.

Где-то вдали шумело море, а вокруг на соседних домах светились окна и маленькие террасы. И сама крыша была совсем не крышей в привычном понимании. Не какая-то бетонная кровля с трубами и антеннами, а настоящая открытая терраса. Плоская, широкая, с фонариками по периметру, старыми шезлонгами и растениями в больших горшках.

«Кровля», — машинально отметил я про себя. Профессиональная деформация строителя.

За дальними столиками сидели еще какие-то люди — видимо, жильцы дома. Пили вино, негромко переговаривались на смеси итальянского и английского. А наши устроились у самого края террасы. Юлька с Ульяной сидели в плетеных креслах около низкого деревянного стола, на котором живописно раскинулся классический отпускной натюрморт: пара бутылок вина, сырная тарелка, оливки и... куски кесадила.

Стас, конечно.

Это было его коронное блюдо ещё со студенческих времён. Он умудрялся готовить её вообще в любых условиях — хоть дома, хоть на даче, хоть в съёмной квартире посреди Италии.

И, если честно, получалось у него отлично. Я даже сам

потом рецепт у него забрал. Юлька первой заметила меня и восторженно замахала рукой, привлекая внимание. А Ульяна подняла свои холодные синие глаза всего на секунду и тут же опустила, будто обожглась.

И именно это короткое движение вдруг выбило из головы весь мой заготовленный сарказм.

Ульяна

— О, наш потеряшка вернулся! — Юлька тут же замахала рукой в сторону входа.

Я подняла взгляд буквально на секунду. Только чтобы убедиться, что это действительно он. И сразу снова отвернулась к городу — встречаться с ним глазами сейчас совершенно не хотелось. После разговора за ужином я начала его немного побаиваться.

Нет, он не сказал ничего особо грубого. И даже голос почти не повышал. Но было в нём что-то... тяжёлое.

Молчаливый. Слишком спокойный. Слишком уверенный.

И от этого будто я всё время делаю что-то не так.

Неправильно смотрю.

Неправильно говорю.

Неправильно существую рядом с ним.

И почему-то дико его этим раздражаю.

Пока они со Стасом неторопливо шли к нашему столику, внутри проснулось импульсивное желание встать и сбегать. Подальше от его оценивающего взгляда. Я поднялась с шез-

лонга и подошла к краю кровли, прислонившись ладонями к парапету.

Внизу светился вечерний город.

Огни в окнах. Узкие улицы. Музыка где-то далеко. Тёмное море. Бетон был прохладный. Такой же холодный, как этот человек. Я вдруг мысленно усмехнулась сама с себя. Господи. «Бетон». «Кровля».

Что вообще у меня в голове. Хотя неудивительно. Профессиональная деформация. В прошлом году я наконец защитила диплом архитектурного, и теперь мой мозг в фоновом режиме сканировал любое здание на предмет конструктивных узлов, материалов и косяков проектирования.

Даже сейчас вместо романтики итальянской крыши я половину времени думала о том, какая здесь нагрузка на перекрытия из-за отсутствия снеговых масс и зимы и как красиво состарился бетон под морским воздухом.

Глеб

Мы со Стасом о чём-то переговаривались, шутили и медленно шли через террасу к девчонкам. Прогретый за день воздух, тихий лаунж из колонок, правильный градус в бокалах. Нормальный вечер наконец-то начинал вытеснять весь сегодняшний дурдом.

И тут принцесса вскочила с шезлонга, будто её током ударило, и практически сбежала в другой конец террасы. Я удивленно проводил взглядом её мелькающие пятки.

— Опа, — тихо заржал Стас.

— Что опять не так? — процедил я, чувствуя, как внутри снова шевельнулось раздражение.

— Без понятия. Но вы вообще странные оба. Либо трахнитесь уже, либо разойдитесь по разным углам ринга.

Я лишь хмыкнул, проигнорировав его ценный совет.

А-а. Ну да. Наверное, побежала смотреть закат. Тот самый, ради которого мы, блять, тащились сюда почти три часа в духоте. Три. Долбанных. Часа.

Я до сих пор мысленно не мог это отпустить.

Вот только была одна маленькая проблема. Закат она уже давно пропустила. Небо давно стало тёмно-синим. Что она там собралась разглядывать в темноте — загадка века.

Я мысленно послал её тараканов к черту и спокойно занял освободившееся место. Кожа сиденья приятно сохранила чужое тепло. Я вытянул ноги, налил себе до краев и наконец нормально выдохнул. Пусть бегают, ради бога. Без её вечного шипения вечер сразу стал на порядок лучше. И вообще день был какой-то эмоционально странный. Как зебра.

Глава 5. Колючий

— Что с Улей? — спросил Стас минут через двадцать, оглянувшись в сторону дальнего края террасы. — Она вообще возвращаться собирается?

Я тоже машинально посмотрел туда.

Ульяна всё так же стояла у бортика, облокотившись на бетонное ограждение и упрямо глядя куда-то вниз на город.

Даже не оборачивалась.

— Я сама не поняла, — Юлька пожала плечами и сделала глоток вина. — Сказала, что хочет посмотреть на огни или типа того. Как-то резко ушла. Может, мы её обидели?

Я цинично усмехнулся краем губ. Юлька уже заметно расслабилась от вина и, как обычно, начинала видеть драму там, где её, скорее всего, не было. Вообще, Юля была удивительно легким человеком. Слишком воздушным для этого жесткого мира. Она умудрялась искренне верить, что все вокруг по умолчанию хорошие, ссоры — это временно, а любую мировую катастрофу можно разрулить душевными разговорами, объятиями и бутылкой вина. Наивность и почти детская чистота были её главной суперспособностью. Именно поэтому они со Стасом, наверное, и работали как пара. Он вечно ворчал и психовал, а она просто смеялась и продолжала любить его дальше.

— Да не обидели мы её, — спокойно сказал я, покрутив

бокал в руке. — Просто характер такой.

— Какой «такой»?

Я пожал плечами.

— Колючий.

На секунду задумался, подбирая слова.

— Из тех людей, у которых всё должно быть так, как они себе придумали. Иначе сразу внутренний конец света.

— Да ну тебя, — Юлька тут же нахмурилась. — Нормальная она. И очень надежная.

— Я и не говорил, что ненормальная. Просто сложная.

Стас заржал, потянувшись за очередным куском кесади-
льи:

— Глеб просто сегодня нашёл достойного соперника по упрямству. Нашла коса на камень.

Я молча сделал глоток терпкого вина.

И почему-то снова посмотрел в сторону дальнего края террасы.

Глава 6. Спокойной ночи

После долгого перелёта и этой бесконечной дороги мы все заметно устали. Даже Юлька стала говорить тише и уже не пыталась спорить со Стасом каждые пять минут. Засиживаться допоздна никому не хотелось. Когда вторая бутылка вина подошла к концу, мы начали потихоньку собирать тарелки и подниматься с шезлонгов.

Стас зевал так, будто не спал неделю.

— Всё, я сдох, — пробормотал он. — Если сейчас не лягу, усну прямо здесь.

— Романтично, — фыркнула Юлька, запихивая остатки сыра в контейнер.

Я поднялся последним и машинально посмотрел в сторону края террасы. Ульяна заметила наше движение и медленно двинулась обратно к нам. Она обнимала себя за плечи, будто ей стало холодно от вечернего ветра.

И выглядела как-то странно.

Не сердитой.

Не колючей.

Скорее... растерянной.

Словно за эти полчаса наедине с городом она слишком много о чём-то думала и теперь вернулась уже немного другой.

Ульяна

— Вам помочь? — тихо спросила я, наклоняясь к столику.

Не дожидаясь ответа, собрала пару пустых бокалов и салфетки.

— О, хозяйственная женщина, — довольно протянул Стас.

Всей цепочкой мы двинулись к выходу с крыши. Стас, включивший истинного джентльмена после энного бокала вина, галантно распахнул тяжелую дверь:

— Прошу, дамы.

Юлька театрально присела в реверансе и проскользнула на лестницу, я шагнула следом. А вот на Самойлове джентльменский запал Стаса внезапно иссяк — друг отпустил массивную створку чуть раньше времени, и та довольно ощутимо приложила Глеба по плечу.

— Блять, — коротко выдохнул тот.

Стас тут же согнулся пополам от смеха.

— Ой, братан, случайно!

Я не выдержала и прыснула, поспешно пряча улыбку. Где-то глубоко внутри моментально вспыхнуло маленькое ликование.

Совсем чуть-чуть.

Нет, вообще я не злорадный человек.

Но сейчас это получилось как-то автоматически.

Глеб лишь наградил друга мрачным многообещающим взглядом и молча пошагал вниз по ступеням. Когда мы вернулись в квартиру, внутри уже царил ночной уют. Мягкий

свет на кухне, распахнутые настежь ставни, далекий, баюкающий гул набережной. Но стоило мне перевести взгляд на нашего кожаного монстра в гостиной, как настроение снова совершило крутое пике. Господи.

Как вообще можно было не заметить его состояние на фотографиях? Я тяжело вздохнула, подошла к шкафу и молча достала запасной комплект постельного белья и подушку.

Устроилась на нём поудобнее.

Ну... насколько это вообще было возможно.

«Удобно» — явно было не про эту древнюю кожаную конструкцию.

Я буквально утонула в его мягких провалах, чувствуя, как спина уже через минуту начинает отправлять мне первые протестные сигналы.

Прекрасно!

Просто прекрасно!

Именно так люди и мечтают проводить отпуск в Италии — зарабатывая хронический радикулит. В этот момент мимо как раз прошествовал Самойлов — видимо, из ванной. Он притормозил на секунду, окинул мою скрюченную фигуру долгим, оценивающим взглядом сверху вниз, а затем с абсолютно невозмутимым лицом приставил два пальца к виску:
— Ciao!

И скрылся за дверью спальни, оставив меня лежать в этой кожаной яме и раздраженно гипнотизировать потолок.

Глава 7. Светлая полоса

Утром я проснулась где-то в шесть.

То ли джетлаг, то ли новое место не дали нормально выспаться. Солнце уже поднималось, и гостиная была залита слепящим светом — тонкие льняные шторы не спасали вообще. Я поморщилась и натянула одеяло на голову. Дома я спала только с blackout-шторами. Любила темноту и возможность нормально выспаться хотя бы в свой единственный выходной.

Впрочем, утро неожиданно оказалось прекрасным. Тихим, теплым, почти домашним. Пока все спали, я босиком ходила по прохладному полу кухни-гостиной, готовила завтрак и периодически выглядывала в открытое окно. Откуда-то снизу пахло свежей выпечкой и кофе, а улицы уже понемногу наполнялись голосами и шумом машин.

В такие моменты Италия становилась именно такой, какой я её себе представляла. Неторопливой, залитой солнцем и пахнущей морем. Я сделала себе чай с лимоном и поднялась наверх на террасу, чтобы спокойно встретить утро и посмотреть на просыпающийся город.

Сегодня у нас была запланирована небольшая обзорная экскурсия. Правда, Глеб почему-то ехать отказался. То ли уже был здесь раньше, то ли просто считал, что таким серьёзным людям не положено кататься на экскурсионных ав-

тобусах вместе с туристами в панамках.

Хотя, если честно, я с трудом представляла его расслабленным, без этого легкого налета снобизма. А ближе к вечеру парни и вовсе укатили на какой-то суперважный матч. В Италии футбол, кажется, считается чем-то средним между религией и национальным праздником.

Мы с Юлькой остались предоставлены сами себе и просто гуляли вдоль набережной. Медленно, без четких маршрутов. Иногда садились прямо на теплые камни у самой воды, ели фисташковое мороженое, болтали обо всякой ерунде и лениво ловили плечами мягкое вечернее солнце.

И день получился потрясающим. Спокойным и удивительно легким. Хотя бы потому, что я почти не пересекалась с НИМ и технично его избегала.

В режиме моей внутренней зебры сегодняшний день точно вышел белым.

Интересно, что тогда готовит завтра?

— подумала я, устраиваясь на своём уже почти любимом...

Нет.

Просто на диване.

Глеб

Сегодня я заметил, что надменная новенькая ведёт себя как-то совсем странно. Точнее — она начала меня показательно, технично избегать. Я стоял на кухне, потягивая ледяную минералку из бутылки. Дверь ванной щелкнула, и отту-

да вышла Кирьянова. Стоило ей поднять голову и наткнуться на меня взглядом, как девчонка резко, будто испугавшись, опустила глаза и буквально нырнула обратно в тень коридора.

Я поставил бутылку и сделал шаг к выходу из кухни. Заглянул в коридор — пусто. Сбежать в спальню за три секунды она бы не успела, так что я двинулся на перехват и обнаружил принцессу за углом, у самой стены. Она стояла там, замерев и едва ли не вжавшись лопатками в штукатурку. Реально пряталась.

Скрывая недоумённую полуулыбку, я шагнул ближе, блокируя ей путь, и иронично поинтересовался:

— Ты что ли прячешься? Реально от меня шныряешь?

— Нет! — выпалила она, даже не глядя на меня.

И прежде чем я успел выдать очередную шпильку, Ульяна боком протиснулась мимо меня в проём и практически сбежала на кухню. Неторопливо пошёл следом. Настроение стремительно улучшалось — наблюдать за её хаотичными манёврами становилось моим любимым развлечением. Прислонившись плечом к холодильнику, начал откровенно, в упор изучать каждое её движение.

Ульяна суетилась. Ладонью потрогала чайник, сообразила, что он горячий, и резко распахнула верхний шкафчик, выискивая посуду. Стоило её пальцам коснуться белой керамической ручки, как я решил немного подогреть атмосферу и подал голос:

— Это, вообще-то, моя чашка.

Кирьянова вздрогнула так, словно над её ухом бахнула пестарда. Керамика едва не выскочила из её рук, со стуком ударившись о полку. Судорожно вернув её на место, она моментально схватила соседнюю.

Я не выдержал и негромко рассмеялся.

— Расслабься, Новенькая. Они вообще-то все абсолютно одинаковые.

Ульяна наградила меня таким обиженно-злым взглядом, что, если бы глаза могли резать, я бы уже истекал кровью. Ничего не ответив, она яростно плеснула в кружку кипятка, бросила заварку и с космической скоростью испарилась в проеме, уходялизывать раны на общий балкон.

Я посмотрел на закрывшуюся за ней стеклянную дверь и качнул головой. Похоже, утренний раунд остался за мной, но эта мелкая партизанская война явно только набирала обороты.

Глава 8. Темная полоса

Ульяна

Утро снова разбудило меня в шесть.

Да что ж такое-то...

Я раздражённо застонала и накрыла лицо подушкой, надеясь ещё хоть немного провалиться обратно в сон.

Бесполезно.

За окном негромко шумел просыпающийся город. Где-то внизу гремела посуда, кто-то переговаривался на улице, а яркое итальянское солнце безжалостно пробивалось сквозь тонкие шторы.

Я ещё несколько минут лежала с закрытыми глазами, пытаясь уговорить организм уснуть обратно.

Организм переговоры проигнорировал.

Поэтому я сдалась, нехотя сползла со своего многострадального спального места и пошла в душ. Ровно в семь на кухне нарисовался Глеб Самойлов.

Свежий. Выспавшийся. Раздражающий.

Что, в общем-то, неудивительно — некоторые из нас спали в кровати.

Ни свет ни заря ни здрасте.

Сегодня он почему-то бесил меня ещё сильнее обычного. Я проводила закрывшуюся дверь в ванну мрачным взглядом.

Вот ведь человек.

И вообще, мог бы хотя бы на один день уступить девушке нормальную кровать. Моя спина после второй ночи на этом кожаном недоразумении уже откровенно намекала о пощаде.

Я сидела за барным столом и жевала, когда его лицо вдруг оказалось прямо перед моим носом.

Слишком близко.

Я даже вздрогнула.

Самойлов, ещё влажный после душа, без футболки, с каплями воды на спортивном теле и самоуверенным выражением лица, навис через барный стол и подозрительно сощурился.

И, надо признать, морда у него была всё-таки привлекательная для такого хамского характера.

— Ешь мой сыр? Серьёзно? — тихо спросил он прямо мне в лицо. — Это месть такая?

Я от неожиданности даже рот приоткрыла.

— Что?!

Потом возмущённо посмотрела на тарелку.

— Это мой сыр! Мне его Юлька вчера купила!

— Ну-ну, — невозмутимо протянул он. — Приятного аппетита.

И, как ни в чём не бывало, подвинул стул и уселся рядом, плечом к плечу. Спокойно взял МОЙ тост — тот самый, только что из тостера — намазал на него творожный сыр и с абсолютно довольным видом откусил.

А потом ещё повернулся ко мне. Специально. Медленно

пережёвывая.

Вот же хам.

Мне в ту же секунду захотелось вылить на него чай. Но он был слишком горячий.

В смысле чай.

Я подвинула сыр к себе. Самойлов тут же молча подвинул его обратно.

Я снова потянула банку на себя.

Он — к себе.

Несколько секунд мы перетягивали несчастную упаковку как два пятилетних ребёнка. Моё возмущение росло, а он ещё и улыбался. Этой своей раздражающе спокойной улыбкой человека, который получает удовольствие от происходящего.

А потом вообще взял мою кружку и сделал глоток чая.

Я аж задохнулась от наглости.

— Ну как тебе, не горячий? — спросила я с самой милой улыбкой, на которую была способна в состоянии ярости.

Он невозмутимо пожал своими широкими плечами.

— Нормально. В самый раз.

— Ну тогда держи! — И выплеснула остатки чая ему прямо на грудь.

Он отпрянул так резко, что чуть не снёс стул.

— Бля! Психичка! Горячо!

— Ты же сказал, в самый раз!

— У тебя проблемы с головой!

— У тебя проблемы с чувством собственности!

В следующую секунду он зачерпнул пальцами творожный сыр и медленно провёл мне по ключице до самой шеи.

Я отшатнулась.

— Самойлов!

— Теперь мы квиты.

— Ах так?!

Дальше кухня очень быстро перестала быть просто кухней. Скорее полем боевых действий. Кусок помидора шлёпнулся ему на шорты. В меня прилетел кусок лимона и каким-то образом провалился прямо в декольте.

Соус художественно размазался по столешнице.

А потом на кухню выбежала Юлька.

И застыла в дверях.

— Что... происходит?..

Она ошарашенно переводила взгляд с меня на Глеба.

На еду по всей кухне.

На лимоны.

На наши лица.

Я тут же ткнула пальцем в Самойлова:

— Помнишь, я вчера не пошла в магазин и просила тебя купить мне сыр?!

— Да, конечно! Он на верхней полке!

— ВОТ! Именно с верхней полки я его и взяла! Понял?!

И для убедительности кинула в Глеба кусок ветчины.

Тот эффектно прилип к его голой груди.

— Это же мой сыр? — победно спросила я у Юльки, показывая почти пустую банку.

Подруга вдруг замялась.

— Н-нет...

Робко подошла и медленно открыла холодильник. Потом достала с верхней полки упаковку нарезанного маасдама и протянула мне.

— Вот твой...

Я зависла. На несколько долгих секунд.

Глеб сначала смотрел на меня молча. А потом начал ржать. Громко. Победно. Просто бесовски. Я умираю от стыда.

— Я вообще-то просила мягкий сыр...

Юлька виновато захлопала глазами:

— Так он мягкий! Смотри, гнётся же! С дырочками как в “Чип и Дейл” ...

— Слышь, Гаечка...

Поняв масштаб катастрофы, она моментально юркнула обратно в спальню. Предательница.

Мы снова остались вдвоём.

Кухня выглядела так, будто здесь подрались очень эмоциональные итальянцы. Глеб посмотрел вниз на свои светлые шорты, мокрые от чая и усыпанные остатками завтрака. С них медленно соскользнул кусочек помидора.

— Ну что, ты это стираешь? — невозмутимо спросил он.

Я кивнула, мечтая телепортироваться в другую страну. Но

возмущение быстро снова победило стыд.

— Вообще-то ты тоже виноват.

— Я?!

— Мог бы просто проигнорировать! Ну и что, что я взяла этот сыр? Я бы съела две ложки!

— Серьёзно? — он аж поперхнулся. — Я виноват? Я всего лишь взял кусок хлеба и глоток чая. Это ты облила меня кипятком.

— Это даже не кипяток. К сожалению!

Он прищурился.

Потом молча снял грязные шорты и кинул их в меня. Я возмущённо ахнула и тут же стащила с себя испачканную майку, бросив ему. В этот момент из комнаты снова выглянула Юлька. Посмотрела на нас. На полууголого Глеба. На меня.

И с абсолютно искренним восхищением выдала:

— Ого. Они уже раздеваются.

После чего сфоткала нас, мгновенно крутанулась на пятках и снова скрылась за дверью.

— Господи... — простонала я и резко развернулась. Хотела уйти, но идти мне было особенно некуда, потому что моё спальное место находилось буквально в трёх шагах.

И именно это вдруг окончательно меня добило.

— А знаешь что? Я больше не буду здесь спать! Понятно?! Ты спи!

Я ворвалась в его комнату, стащила с кровати его подушку

и одеяло, забрала свои вещи с дивана и с грохотом захлопнула дверь. Постояла пару секунд, потом всё-таки вернулась на кухню. Молча забрала его шорты для стирки.

Самойлов проводил меня взглядом.

За спиной тихо прозвучало:

— Проблемная...

Глава 9. Благословенная тишина

Весь день мы старательно избегали друг друга. И, к моему огромному облегчению, Глеб даже не попытался отвоевать спальню обратно.

Я была почти счастлива.

Мы с ребятами спокойно гуляли по городу, строили планы, спорили, куда поехать дальше и что ещё посмотреть. Стас громко объявил, что нашёл хорошее место для аренды машины, а Юлька уже строила планы на какую-то «идеальную поездку по побережью».

Завтра должны были прилететь Лена с Игорем.

А ещё нас ждала поездка на яхте на целый день. Целый день в море. От одной мысли об этом внутри становилось хорошо.

К вечеру ребята собрались в клуб или бар. Юлька, конечно же, тоже моментально загорелась этой идеей и унеслась собираться под своё:

— Ну Уляяя, поехали с нами!

Но я отказалась.

И впервые за эти дни квартира наконец осталась полностью моей.

Боже.

Какое счастье.

Я с чувством маленькой личной победы завалилась на

своё уже почти родное кожаное чудовище, закинула ноги на журнальный столик и включила какой-то красивый фильм с Томом Харди.

В бокале плескалось мягкое, бархатистое Merlot. Из открытых окон тянуло свежим вечерним воздухом. И впервые за последние дни внутри стало абсолютно спокойно.

Вечер обещал быть ленивым и уютным, но, кажется, организм решил иначе. Не досмотрев даже половины фильма, я просто уснула. Выключилась. Третий день почти без нормального сна окончательно добил меня. И где-то уже ночью мои ноги случайно толкнули бутылку со стола.

Я резко проснулась от странного звука.

Красное вино медленным водопадом стекало со столика прямо на пол, тонкими струйками растекаясь во все стороны.

— Нет-нет-нет... — хрипло простонала я, вскакивая.

И босиком побежала за полотенцем.

Собрав остатки своего ужина и выкинув пустую бутылку, я наконец вспомнила о своей новой комнате, отвоеванной в жестоком бою. И с каким-то детским счастьем побежала туда и рухнула на кровать.

О боже.

Это была самая прекрасная ночь в Италии.

Комната оказалась удивительно уютной. Светлые стены, старый деревянный шкаф, прохладный каменный пол и огромная кровать, в которой наконец можно было нормаль-

но вытянуться, а не складываться буквой «зю».

Из приоткрытого окна тянуло тёплым морским воздухом, и белая занавеска лениво колыхалась от ветра. Пахло морем и чем-то сладким, будто рядом пекли выпечку даже ночью. А ещё здесь был маленький балкон с красивым кованым ограждением, почти спрятанным в розовых цветах.

За ним тянулись старые крыши соседних домов — неровные, выцветшие от солнца и времени. Я уже представила, как утром выйду туда с чашкой кофе. Но в памяти тут же всплыло сегодняшнее утро на кухне: Самойлов, сыр, чай и весь этот балаган — и я невольно скривилась.

Нет уж. Территорию кухни временно можно считать вражеской.

Глава 10. Утренний привет

Это утро впервые разбудило меня не в шесть.

Я открыла глаза где-то около восьми и несколько секунд просто лежала, наслаждаясь странным, почти забытым ощущением — я наконец-то выпалась.

По-настоящему.

Солнце здесь не било в окна так беспощадно, как в гостиной. Только тонкий золотистый луч пробивался сквозь штору и красиво ложился на каменный пол и маленькую бежевую софу напротив кровати.

В комнате пахло свежим утренним воздухом. Где-то внизу уже проснулся город. Негромко разговаривали соседи, пели птицы и атмосферно проехал мопед.

А я лежала с улыбкой и чувствовала себя удивительно счастливой. Согласно моей внутренней теореме зебры, вчера была абсолютно чёрная полоса, а значит сегодня меня точно ждёт светлая.

С этой мыслью я скинула одеяло и на цыпочках выскользнула в гостиную, стараясь никого не разбудить.

Но там оказалось пусто.

Плед был аккуратно сложен.

Подушки не было.

Создавалось ощущение, будто Глеб здесь даже не ночевал...

Но я ошиблась.

Стоило открыть дверь в ванную, как я тут же во что-то — точнее, в кого-то — врезалась.

Вернее, прямо в него.

Я уткнулась носом в мокрую после душа грудь и от неожиданности тихо ахнула. Он в последний момент едва успел перехватить полотенце на бёдрах.

— Проблемная? — удивлённо выдохнул сверху.

Я моментально отскочила назад.

— Ты чего не закрываешься?!

— Закрылся, — резко оборвал он.

Я пулей вылетела обратно в гостиную. Щёки горели.

Господи.

Прекрасное начало дня.

Через пару секунд Глеб вышел следом — уже абсолютно спокойный, будто ничего не произошло. Подошёл к двери ванной, внимательно посмотрел на замок, потом снова закрыл и нажал на ручку.

Дверь тут же открылась обратно.

Он нахмурился и ещё раз провернул защёлку.

Та беспомощно щёлкнула и снова не сработала.

— Отлично, — сухо констатировал он. — Замок сломан.

Я молча отвела взгляд, всё ещё чувствуя на лице прохладные капли воды с его кожи и запах геля для душа вперемешку с чем-то свежим, мужским. Кошмар. Моё лицо буквально дышало ему в грудь секунд пять назад.

«Ну что ж...»

Сегодня точно белая полоса?

— мрачно подумала я про себя.

Глава 11. Полный состав

Сегодня наконец прилетели Лена с Игорем. И квартира моментально стала шумнее раза в три. Игорь ворвался внутрь так, будто отсутствовал не два дня, а несколько лет.

— Ну что, итальянцы, без нас тут уже всё выпили?!

Он поставил посреди кухни пакеты с вином, какими-то закусками и тут же полез обниматься со всеми подряд. Лена вошла следом спокойнее. Загорелая, в светлом льняном костюме и с вечным слегка насмешливым взглядом человека, который заранее понимает, чем всё закончится. Она была подругой Юльки, но мы с ней пересекались уже много раз на общих мероприятиях.

— Господи, как тут красиво, — выдохнула она, оглядывая квартиру.

Юлька тут же потащила её наверх показывать террасу. А Стас уже воевал с навигатором, потому что через час собирался ехать за машиной.

— Да как тут вообще люди ездят?! — возмущался он, ткая в экран телефона. — Тут улицы уже моей ноги!

— Ты ещё даже за руль не сел, а уже паникуешь, — спокойно заметил Глеб.

— Я просто заранее ненавижу всё это.

— Это потому что ты видел парковки возле центра.

— Я видел переулок шириной с шаурму!

Игорь уже ржал в голос:

— Стас, тебя Италия сломала ещё до аренды машины.

Через два часа мы всей толпой ехали вдоль побережья в арендованной семиместной «Тойоте». Точнее... официально она считалась семиместной. По факту же Глеб, сидящий на самых задних сиденьях, уже минут двадцать страдал так, будто его везли в багажнике.

— В следующий раз берём две машины, — мрачно сообщил он откуда-то с галёрки. — Или я еду отдельно.

— Тебе там даже места больше всех досталось! — возмутилась Юлька.

— Да? Тогда почему мои колени сейчас находятся у меня в лёгких?

— Потому что ты драматизируешь, — спокойно сказала Лена.

— Потому что Стас взял машину для итальянских школьников.

— Зато экономно! — гордо заявил Стас.

Из колонок орала какая-то старая итальянская песня, слова которой никто толком не знал, но Юлька всё равно пела громче всех. Тёплый ветер врвался в открытые окна. Море периодически мелькало между домами и деревьями — ярко-синее, почти ненастоящее. Лена снимала что-то на плёнку. Игорь спорил со Стасом о том, где лучшая пицца. А я, сама того не замечая, фотографировала старые балконы, ставни, лестницы и выцветшие фасады домов.

— Ты людей вообще фотографировать умеешь? — вдруг усмехнулся Глеб с сиденья рядом.

Я подняла глаза от камеры.

— Архитектура интереснее.

— М-м. Ну да. Люди обычно шумят и кидаются едой.

Я мрачно посмотрела на него.

Игорь тут же заржал:

— Так. А вот тут явно есть история.

К обеду солнце стало почти невыносимым.

Каменные улицы раскалились, от моря тянуло солёным горячим воздухом, а город медленно превращался в ленивый южный муравейник. Мы бросили машину возле набережной и пошли гулять пешком.

Юлька сразу унеслась вперёд, периодически останавливаясь то возле сувениров, то возле мороженого, то просто потому что «тут свет красивый». Стас шёл следом и каждые пять минут повторял:

— Юль, ну мы потеряемся сейчас.

— Это ты потеряешься, а я чувствую Италию!

— Ты чувствуешь только магазины.

Лена на всё это смотрела чуть насмешливо, спрятав глаза за тёмными очками. От неё вообще постоянно исходило ощущение дорогой и очень контролируемой жизни. Даже в жару она выглядела так, будто только что вышла из рекламы где-нибудь на Лазурном берегу.

Лена занималась элитной недвижимостью и, кажется, уже

давно привыкла оценивать всё вокруг автоматически. Дома. Районы. Рестораны. Людей.

— Здесь квадрат бы стоил как маленький самолёт, — спокойно заметила она, глядя на старый дом у воды.

— Ты можешь хоть сутки не думать про работу? — рассмеялся Игорь.

— Нет.

Игорь же был противоположностью Лены. Весёлый. Активный. Лёгкий на подъём. Но за всей этой лёгкостью всегда чувствовался человек, на которого можно положиться.

Они со Стасом дружили ещё со студенческих времён. Кажется, Игорь всю жизнь воспринимал его как младшего брата, за которым нужно присматривать. Глеб учился в том же университете на пару курсов старше, и со временем они тоже крепко сдружились.

При этом любимым развлечением Игоря было сталкивать людей лбами и потом наблюдать за последствиями с максимально невинным видом.

Особенно нас с Самойловым.

— Уль, сфоткать вас с Глебом? — как бы между прочим бросил он возле моря.

— НЕТ, — одновременно ответили мы.

Игорь довольно ухмыльнулся:

— Ну вот. Опять синхронность.

К вечеру мы окончательно устали от жары, прогулок и постоянного смеха.

Поэтому Стас торжественно объявил:

— Всё. Нет сил больше терпеть! Пошли ужинать как нормальные итальянцы!

— То есть? — уточнила Юлька.

— Долго, громко и с вином.

Ресторан оказался маленьким и шумным, почти спрятанным между узких улиц. Белые скатерти. Старые вентиляторы под потолком. Официанты, которые разговаривали так быстро, будто пели. За открытыми окнами уже темнело. На улице играла музыка. Кто-то смеялся.

Пахло пиццей, вином, морем и горячим хлебом. И именно там, за этим длинным столом, среди чужого языка, звона бокалов и бесконечных шуток, я впервые почувствовала, что мы действительно стали компанией. Настоящей. Даже несмотря на наши бесконечные перепалки с Глебом.

Хотя он всё равно периодически продолжал меня раздражать. Особенно когда спокойно забирал у меня последний кусок пиццы.

— Самойлов, это был мой.

— Ты слишком медленно думала.

— Ты просто хам.

— А ты всё ещё проблемная.

Лена тихо усмехнулась в бокал. А Игорь вообще уже откровенно наслаждался происходящим.

— Ребят, вы когда-нибудь разговариваете как нормальные люди? — поинтересовался он.

— НЕТ, — хором ответили мы.

И от этого все рассмеялись ещё сильнее.

Через несколько минут я в порыве веселья слишком резко взмахнула рукой и бокал качнулся. Несколько капель моего красного вина красиво полетели прямо на светлые шторы Самойлова.

Повисла тишина.

— Ой.

— Ой? — переспросил он.

— Чёрт.

Я зажмурилась.

Самойлов посмотрел на тёмное пятно. Потом на меня. Потом снова на пятно. И медленно помассировал переносицу. Будто собирал всё своё терпение по кусочкам.

Домой мы возвращались вечером.

Счастливые. Немного пьяные от вина, жары и слишком хорошего дня. Лена лениво листала фотографии на камере. Игорь что-то негромко рассказывал про их университетские времена, периодически сам же начиная смеяться с собственных историй. А Глеб категорически отказался ехать со мной на заднем ряду.

— Нет, — сразу заявил он, открывая переднюю дверь. — Сейчас я еду нормально.

— Боишься? — невинно спросил Игорь.

— У меня инстинкт самосохранения.

— Поздно, — спокойно отозвался Игорь, захлопывая пе-

реднюю дверь прямо перед его носом. Он кивнул на задний ряд с той невозмутимостью, которая бывает только у людей, обожающих подливать масла в огонь. — Дети едут на галёрке.

Через минуту мы снова сидели вдвоём на самом заднем ряду, как наказанные школьники. Причём Глеб демонстративно сел максимально ближе к окну.

Я — к другому.

Между нами оставалось сантиметров пятьдесят свободного пространства и тонна взаимного упрямства.

— Не двигайся в мою сторону, — мрачно предупредил он.

— Очень надо.

Я закатила глаза и отвернулась к окну.

За стеклом тянулась вечерняя Италия. Тёмное море. Огни маленьких кафе. Жёлтые фонари вдоль дороги. Тёплый ветер, врывающийся через приоткрытые окна.

Я впервые за долгое время вообще не думала о работе.

Глава 12. Ночной клуб

Лигурия ночью была совсем другой.

Днём — ленивой, солнечной, пахнувшей солью и кремом от загара. А после одиннадцати всё будто переключалось: узкие улицы наполнялись голосами, из открытых окон баров лилась музыка, громко звенели бокалы, смеялись люди. Скутеры прошивали темноту, оставляя после себя шлейф бензина и тёплого, влажного воздуха, который, казалось, пропитывал кожу насквозь.

Дома мы продержались ровно сорок минут — критический минимум для того, чтобы кто-то успел пожаловаться на усталость, а кто-то — выпить стакан воды, делая вид, что «никуда сегодня больше не пойдёт».

А потом, конечно, мы всё равно собрались в бар.

— Только не говорите, что хотите гулять до утра, — простонала Ленка, пока все собирались.

— Это ты говоришь каждый раз, — усмехнулся Игорь, застёгивая часы. — И первая тащишь всех танцевать.

— Потому что вы скучные без меня.

— Мы? — Стас театрально приложил руку к груди. — Да мы культурная элита.

— Ты сегодня кетчупом пищу поливал.

— Это был гастрономический эксперимент.

— Это было преступление против Италии!

Все засмеялись.

Мне в этот раз отвертеться не удалось.

Юлька силой втокнула меня обратно в комнату, когда я попыталась заявить, что лучше останусь дома.

— Нет. Всё. Хватит сидеть как вдова декабриста. Пошли жить жизнь! Одевайся!

В итоге я сдалась.

Надела ярко-жёлтое платье на тонких бретельках. Крупные серьги красиво блестели и подчеркивали мой загар. Я выбрала босоножки на высоком каблуке, не зря же привезла их с собой. Они были вполне удобные... насколько вообще могут быть удобными босоножки для ночи с танцами. Но до утра я всё равно танцевать не планировала. Пары часов бы хватило.

Когда я вышла, разговоры в комнате вдруг на секунду стихли.

— Ого, — присвистнул Стас.

— Наконец-то, поехали, — надменно бросил Глеб, даже не поднимая головы от телефона.

Но я всё равно почувствовала этот взгляд. Короткий. Скользящий по мне и сразу исчезающий. Будто ничего не было.

— Ты точно собираешься в этом идти? — вдруг спросила Юлька, подходя ко мне и поправляя лямку платья. — Уль, ты выглядишь... опасно.

— В этом и смысл, — ответила я, хотя внутри меня что-

то дрогнуло.

Мы поехали на двух такси.

Девчонки — в одной машине, парни ехали следом.

Дорога заняла минут семь: вниз по серпантину, к набережной, где ночной воздух уже становился влажным и тёплым от моря. Бар оказался шумным, красивым и совершенно итальянским. Полуоткрытое пространство с огромными окнами, светящимися гирляндами под потолком, деревянными столами, музыкой, от которой дрожал пол, и толпой молодых людей, будто сошедших с рекламы летнего отдыха.

Мы приехали почти к полуночи. И первые два часа действительно пролетели незаметно. Мы смеялись, танцевали, дегустировали коктейли, Стас спорил с Игорем о том, почему итальянцы умеют выглядеть красиво даже в белой майке, Ленка пыталась выучить бармена говорить «пельмени», а Юлька уже успела пофоткаться в каждом углу. И я вдруг поймала себя на том, что мне хорошо. По-настоящему хорошо. Я уже совсем не жалела, что поехала.

А потом... все как-то разбежались. Незаметно. Наверно кто-то ушёл обниматься наедине, кто-то — проветриться, кто-то — к другому бару.

И в какой-то момент я осталась без друзей посреди танцпола. Музыка била по ребрам, как набат, превращая пространство в вибрирующую массу потных тел, неоновых бликов и чужих улыбок. Воздух здесь был перенасыщен всем сразу: парфюмом, ароматом ледяного апероля и той особен-

ной, липкой энергией ночи, когда кажется, что до утра можно прожить целую жизнь.

Я чуть отступила с танцпола к барной стойке, пытаюсь перевести дыхание. Коктейль в руке, с веточкой мяты, уже почти растаял, превратившись в холодную воду. Здесь, в шуме, я чувствовала себя странно защищенной — растворенной в этой толпе, где никто не знает, кто ты, и никто не ждет от тебя ответов.

И тут я почувствовала, как пространство вокруг меня изменилось. Рядом, почти касаясь моего плеча, возник парень. Слишком загорелый, с широкой, «фирменной» итальянской улыбкой и глазами, которые скользили по мне с неприятной, липкой настойчивостью. Он что-то бросил по-итальянски, весело, громко, а затем, словно решив, что это универсальный ключ ко всем дверям, переключился на ломаный русский:

— Ты русская? — он навис надо мной, закрывая собой свет гирлянд.

Я удивлённо подняла глаза.

— Немного знаю русский, — гордо сообщил он. — Очень красивая.

Он стоял слишком близко.

Улыбался слишком уверенно.

И почему-то сразу вызвал во мне неприятное ощущение.

Я вежливо отказалась от знакомства и ушла обратно к танцполу. Но через несколько минут заметила его снова.

Он танцевал неподалёку. Постоянно смотрел в мою сторону. Будто ждал.

Мне стало не по себе. Я вдруг пожалела, что надела это яркое платье, так хорошо подчёркивающее фигуру и загар.

Захотелось стать незаметной. Спрятаться.

Через полчаса напряжение стало совсем ощутимым. Парень не отставал. Не подходил вплотную, но будто всё время находился рядом. Следил.

Я нервно сделала глоток, понимая, что безопасный «пузырь» лопнул. Стас, Юлька, Игорь — все они растворились в толпе, оставив меня один на один с этим навязчивым вниманием. Я начала искать глазами хоть кого-то из своих...

Но никого не было видно.

И вдруг, повернув голову в сторону другого зала, у второго бара, я увидела Глеба. Он стоял в компании двух девушек, высоких, очень красивых, загорелых. Они о чём-то оживлённо разговаривали на английском, и Глеб смеялся — легко, расслабленно, как будто был здесь своим.

Я замерла, а потом всё-таки пошла к ним. У меня не было выбора. Внутри боролись страх перед Глебом и странная, почти болезненная уверенность, что сейчас он единственный, кто может вытащить меня из этого душного, наэлектризованного кокона.

— Привет, — тихо сказала я, неловко махнув рукой.

Глеб перевёл взгляд на меня. Сверху вниз. Так, будто у него в ладони внезапно застряла заноза. Потом тут же улыб-

нулся девушкам и спокойно сказал по-английски:

— This is my sister.

— Нii! — дружно ответили они и помахали мне.

Я нервно сжала пальцы.

— Можно я побуду с вами немного? — спросила, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Глеб посмотрел на меня слишком внимательно, будто препарировал. Его глаза, обычно спокойные, сейчас потемнели от злости.

— Прикалываешься? Нет, конечно. Ты что, не видишь — мы общаемся.

Глеб произнес это нарочито спокойно, по-русски, так, чтобы девушки ничего не поняли, но каждое его слово ударило меня по нервам, как хлыст. Только по глазам было видно: он уже злится. Сильно.

Чувствуя себя лишней, навязчивой и до боли глупой, я неловко кивнула и отошла в сторону.

Но ненадолго. Потому что через несколько минут мне пришлось вернуться. Тот парень снова появился рядом. И в этот раз паника внутри была уже совершенно настоящей.

Глеб

Кириянова далеко не ушла.

Встала с другой стороны бара, делая вид, что ей просто нужен коктейль, но при этом слишком явно поглядывала в нашу сторону. И выглядело это... странно, непонятно и ужасно меня раздражало. Потому что ночь только начала склады-

ваться нормально. Музыка, тёплый воздух с моря, красивые девушки рядом, лёгкий флирт — всё ровно так, как и должно было быть в Италии.

И, если уж совсем честно, проводить эту ночь одному я не планировал. Тем более что шансы мои сейчас были близки к ста процентам: две очень симпатичные бельгийки явно были не против продолжения, а одна уже откровенно касалась моей руки при разговоре. Но вместо того чтобы пользоваться ситуацией, боковым зрением продолжал отслеживать жёлтое пятно в толпе. И заметил около неё какого-то типа. Он что-то сказал ей, наклонившись слишком близко. Кирьянова коротко ответила и отвернулась. Парень не ушёл. Наоборот. Остался рядом. Смотрел. Улыбался так, как умеют улыбаться только люди, плохо понимающие слово «нет».

Поморщившись, я попытался вернуться к разговору. Одна из девушек рассказывала что-то про Tomorrowland, смеялась, касалась моей руки, но слушать её уже почти не получалось — Кирьянова снова обернулась. Теперь я внимательно посмотрел ей в лицо.

Она не злилась, не строила из себя колючку. Она была напряжена. По-настоящему.

Парень снова что-то ей сказал и сделал короткий жест рукой — типа «пойдём».

Она быстро покачала головой.

И вот тогда до меня наконец дошло, что дело не в её очередных закидонах. Я тихо выдохнул сквозь зубы.

Ну конечно, кто ещё может вляпаться в неприятности посреди прекрасного вечера в другой стране? Только Проблемная! Причём даже не специально. Это у неё встроенный талант.

Она словно что-то решила для себя и вернулась к нашей компании. Я заметил, как сильно напряжены её плечи и как она старательно избегает смотреть мне прямо в глаза.

— Проблемы? — тихо процедил я.

Даже на высоких каблуках она была заметно ниже меня и теперь смотрела снизу вверх, исподлобья, почти умоляюще.

— Если можешь... помоги вызвать такси домой, — быстро проговорила она. — Пожалуйста.

Её голос звучал совсем не как обычно. Без колкостей. Без характера. Просто уставший и нервный.

Я тяжело вздохнул, чувствуя, как этот вечер окончательно летит к чертям. Повернулся к девушкам, выдал по-английски короткое «нужно помочь сестре, увидимся», и они понимающе улыбнулись, даже не подозревая, что я сейчас готов рычать. Одна даже бросила Кирьяновой сочувственный взгляд.

Мы вышли из бара. Музыка сразу стала глуше, оставшись за стенами вместе со всей этой суматохой. На улице было тепло. Очень. Воздух пах морем, камнем и ночными цветами из горшков у соседних кафе. Но я заметил, что Кирьянову слегка трясёт. Она быстро оглядывалась по сторонам, будто всё ещё искала глазами того крипового типа.

— Что случилось? — спросил я уже серьёзное.

— Сталкер.

Она снова впилась взглядом в темную перспективу улицы, ожидая увидеть такси, но дорога была пуста. Город спал, притворяясь невинной декорацией. Я огляделся: редкие прохожие, закрытые витрины, глухие стены домов. Отпускать её сейчас в таком состоянии было бы верхом идиотизма. Даже если она выводила меня из себя каждым своим жестом, оставлять «Проблемную» одну в этом ночном лабиринте я не собирался.

— Машину мы вряд ли найдём в такое время, — сказал я. — Пошли пешком. Тут минут пятнадцать.

Она кивнула. Сразу. Без споров.

И вот это насторожило меня сильнее всего. Она спорила всегда — по любому поводу, из чистого упрямства, лишь бы последнее слово осталось за ней. А сейчас она словно погасла.

Глава 13. Рыцарь

Мы медленно двинулись вверх по узкой улице. Музыка растворилась в ночи, сменившись гулким эхом наших шагов и едва слышным шумом моря где-то внизу. Она шла рядом очень тихо, смотрела себе под ноги, а потом вдруг сказала:

— Я снова испортила тебе вечер... А может, и отпуск.

Я усмехнулся, даже не повернув головы.

— Вечер — возможно. Отпуск ты начала портить ещё в аэропорту.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Она бросила на меня быстрый, раздраженный взгляд, в котором промелькнуло столько всего — от обиды до попытки вернуть привычную колючесть.

— Мог бы хотя бы раз не быть таким невозможным?!

— А ты могла бы хотя бы сутки прожить без приключений.

— Я не специально вообще-то!

— Да? Тогда это ещё хуже. Значит, ты притягиваешь проблемы просто естественным образом.

Она резко отвернулась. И снова начала оглядываться назад. Не демонстративно. Почти незаметно. Но я всё равно видел. После бара пустые ночные улицы казались слишком тихими. Слишком тёмными.

Мы шли вверх по узкой дороге мимо закрытых кафе и домов с изредка открытыми ставнями. Где-то наверху смеялись, из окна играла итальянская музыка.

Но Кирьянова будто этого не замечала.

Она всё ещё была натянута как струна.

— Он реально шёл за тобой? — спросил я спустя пару минут.

— Да.

— Давно?

— Не знаю... минут сорок, может.

Я тихо выдохнул сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

— И ты всё это время молчала?

— А что я должна была сделать? — она резко обернулась, и в темноте её глаза блеснули лезвиями. — Подойти к тебе, пока ты там «общался»?

— Ну да, — я усмехнулся, хотя внутри у меня всё клокотало от её нелепого упрямства. — Это обычно работает эффективнее, чем просто бегать от него по всему клубу.

Она резко остановилась.

— Слушай, если я тебя так раздражаю, мог вообще не уходить со мной!

Я тоже остановился и посмотрел на неё.

— Кирьянова, ты сейчас серьёзно?!

— Абсолютно!

— Ты подошла ко мне белая как стена и попросила увезти

тебя домой, — я сделал шаг ближе, заставляя её вжать плечи в себя. — Это была мольба о помощи, а не приглашение на прогулку!

— Я попросила помочь с такси! — она сжала сумку так, что костяшки пальцев побелели. — А не спасать меня героически! Не делай из себя рыцаря, тебе не идёт!

— Поверь, — процедил я, — героически я сейчас себя вообще не чувствую. Я чувствую, что хочу кого-то придушить!

Она зло выдохнула, вскинула подбородок и снова пошла вперёд — быстрее, чем до этого, почти срываясь на бег. Каблуки нервно, беспорядочно стучали по камню, нарушая ночную тишину.

Я пошёл следом, всё ещё злой, но уже не столько на неё, сколько на всю эту идиотскую ситуацию. Вместо нормально-го вечера мы опять каким-то образом оказались внутри её очередной катастрофы.

Глава 14. Босиком

Через несколько минут ровный асфальт закончился, и началась старая лигурийская брусчатка. Неровная, отполированная временем и совершенно не предназначенная для тонких каблучков.

Кириянова почти сразу споткнулась. Потом ещё раз. Тихо выругалась себе под нос и попыталась идти медленнее, но через пару метров снова едва не подвернула ногу.

Я молча наблюдал за этим сзади.

Она раздраженно остановилась, наклонилась и одним резким движением сбросила босоножки. Взяла их в руку, выпрямилась и пошла дальше — уже босиком. Я невольно поморщился. Камни даже на вид были жёсткими и холодными. Но комментировать не стал. Потому что настроение у меня к этому моменту окончательно скатилось куда-то в минус. Где-то там, в баре, осталась очень даже перспективная ночь, нормальный отдых и возможность хотя бы ненадолго перестать быть нянькой для проблемной девчонки с вечно несчастными глазами. А вместо этого я сейчас шёл по ночной Лигурии за Кирияновой, которая босиком, молча шагала по брусчатке, всё ещё периодически оглядываясь назад.

И почему-то выглядела так, будто вот-вот снова скажет, что справится сама.

Вдруг она остановилась.

— Ой...

Она тут же подняла ногу, пытаясь рассмотреть ступню в темноте.

Я подошёл ближе за пару секунд.

— Что ещё? — устало выдохнул я.

На бледной коже отчетливо виднелась маленькая, но неприятная полоска крови. Видимо, наступила на острый камень или осколок.

Ульяна обречённо прикрыла глаза.

— Только этого ещё не хватало... — прошептала она.

Я не выдержал и коротко прыснул со смеху. Она вскинула голову, сверкнув глазами.

— Что смешного?

— Да ничего. Просто ты не Проблемная, — я покачал головой, чувствуя, как злость окончательно сменяется азартом.
— Ты Катастрофа.

— Очень поддерживающе.

— Чем могу.

Она осторожно попыталась наступить на ногу и тут же поморщилась. Я снова посмотрел на кровь, потом на оставшиеся до дома метры дороги и, не особо размышляя, просто поднял её на руки.

— Эй! Нет, не надо! — она дернулась, но я лишь крепче перехватил её под коленями. — Я сама дойду!

— Конечно. Сначала подвернёшь вторую ногу для симметрии.

Лёгкая. Тёплая. Невероятно злая.

— Успокойся, — бросил я. — Нам две минуты идти. — Если будешь сопротивляться, сброшу тебя в море.

Она фыркнула, всё ещё упрямо пытаюсь высвободиться из моих рук.

— Так будет даже лучше. Жаль, далеко отошли.

— Господи, Кирьянова, у тебя вообще бывают нормальные ответы?

— А у тебя нормальное настроение?

— Было. Пока ты не начала собирать все возможные проблемы побережья за один вечер.

Она тихо фыркнула и наконец перестала вырываться. Только пробормотала:

— Между прочим, я тебя не просила меня нести.

— Да, ты обычно предпочитаешь страдать самостоятельно.

— Зато честно.

Я невольно усмехнулся, а она вдруг подняла глаза и замолчала, будто только сейчас осознала, насколько близко мы друг к другу. И сразу снова отвернулась. Но в этот раз уже без колкостей.

Мы медленно поднимались вверх по узкой улице. Вдалеке шумело море. Тёплый ночной воздух смешивался с ароматами цветов, остывающего камня и её волос. И я вдруг поймал себя на том, что этот запах мне нравится слишком сильно. Не духи. Вообще не похоже на парфюм. Никакой тя-

жёллой сладости, которой обычно за километр несёт от девушек. Запах был едва уловимый. Такой, который чувствуешь только совсем близко. Наверное, поэтому раньше я его и не замечал. Тонкий. Очень лёгкий. Сладкий, но не приторный — чистый, неожиданно приятный.

Её волосы щекотали мне шею и подбородок каждый раз, когда она чуть двигалась, и в какой-то момент мысли в голове начали странно затихать. Будто ночь вокруг стала тише. Спокойнее.

Мы дошли до дома так быстро, что я сам не заметил как. И только уже поднимаясь по лестнице на третий этаж, вдруг понял, что всё это время даже не думал опускать её на землю.

К квартире мы подошли уже молча. Брусчатка сменилась прохладным каменным полом подъезда.

Кириянова сразу дёрнула ручку двери, едва я поставил её на пол, легко прыгнула с рук и отскочила на безопасное расстояние, будто всё это время только и ждала возможности сбежать.

В жёлтом платье, босиком, с босоножками в руке и расчёпанными после ветра волосами она выглядела одновременно уставшей, злой и какой-то слишком хрупкой для человека, который обычно спорит даже с навигатором.

— Мерси, — бросила она через плечо — сухой, почти официальный тон, которым обычно отгораживаются от непрошенных свидетелей своего поражения.

И тут же скрылась в ванной. Дверь захлопнулась. Я остал-

ся стоять посреди тёмного коридора, всё ещё ощущая на руках её вес.

Из ванной послышался шум воды.

Я медленно провёл ладонью по лицу и тихо усмехнулся себе под нос.

Ну конечно.

Именно так обычно и заканчиваются мои идеальные ночи в Италии.

Глава 15. Гиены

Глеб

Я проснулся от грохота. Не от будильника. Не от солнца.

А от того, что кто-то с нечеловеческим энтузиазмом хлопал дверцами кухни. Я приоткрыл глаза и несколько секунд вообще не понимал, где нахожусь. Потом вспомнил. Гостиная. Ночной клуб. Жёлтое платье.

Я резко сел на диване и тут же поморщился от тупой боли в затылке и затекшей шеи.

Из кухни уже доносились голоса.

— Нет, это точно был он! — орала Юлька, звеня чашками.

— Да не мог Глеб добровольно кого-то нести на руках, — ржал Стас. — Я скорее поверю, что он заведёт кота.

— Ты не любишь животных? — удивилась Лена, смотря на меня.

Я вспомнил свой вчерашний внутренний монолог и мысленно повторил: «Я не люблю всё, что ограничивает мою свободу и требует постоянного внимания».

— Он её реально нёс? — сонно спросил Игорь, явно только что приползший на этот праздник жизни.

— До третьего этажа! — торжественно объявила Юлька.

Я закрыл глаза рукой. Вот же черти.

— Тише вы можете? — хрипло бросил я, швыряя плед и вставая с дивана.

На кухне мгновенно стало подозрительно, почти театраль-
но тихо. Все одновременно повернули головы и уставились
на меня с плохо скрываемым восторгом. Стас медленно от-
пил из кружки, наслаждаясь моментом.

— О. Жених проснулся!

— Сейчас кто-то договорится.

— Мы просто волнуемся, — с абсолютно фальшивым со-
чувствием сказала Ленка. — Как там твоя принцесса?

— Отстаньте.

— Так это правда? — Юлька аж привстала со стула, едва
не пролив чай. — Ты её нёс?

— У неё нога была разбита, — процедил я, чувствуя себя
максимально глупо.

— А-а-а, конечно, — протянул Игорь. — Исключитель-
но медицинская транспортировка. Чистая благотворитель-
ность.

Я молча открыл холодильник и уставился на полки. Самое
лучшее — игнорировать. Если начать отвечать этим идио-
там, они не заткнутся вообще никогда.

И именно в этот момент из спальни появилась Кирьянова.

Без своего вчерашнего боевого раскраса, без шпилек, в
огромной футболке с Бемби на груди. Которая была размера
на три больше нужного — трикотаж свободно висел на её
хрупких плечах, а светлые волосы беспорядочно падали на
плечи.

Она выглядела настолько домашней, сонной и мелкой, что

я на секунду вообще не связал её с той девушкой в ярко-жёлтом платье из ночного бара. Кирьянова замерла посередине гостиной, наткнувшись на наш консилиум. Потом медленно, настороженно перевела взгляд на меня. На кухне уже откровенно начинали давиться смехом.

— Доброе утро, — осторожно сказала она.

Юлька резко расплылась в улыбке.

— О-о-о... Бемби проснулась.

Стас не выдержал и согнулся пополам, хрюкая в кулак.

— Нет, ну это лавстори года. Ночью роковая женщина Италии, утром — ребёнок из мультика.

— Я сейчас уйду обратно спать, — мрачно предупредила она.

— Вместе с Глебом? — не удержался Стас.

Кирьянова беспомощно прикрыла глаза ладонью.

— Как же я вас всех ненавижу.

— А ночью всё выглядело куда романтичнее, — довольно вставил свои пять копеек Игорь, подмигивая мне.

И вот тут она впервые за утро покраснела.

Резко развернулась и скрылась в комнате под дружный ржач остальных. Я молча забрал кружку с чаем и ушёл от них подальше, на диван, надеясь спасти остатки здравого смысла. За спиной всё ещё самозабвенно издевались.

— Нет, я всё-таки требую подробностей! — не унималась Юля.

— Какие подробности? — сухо бросил я, не оборачива-

ясь и делая глоток. — Человек наступил на камень. Конец истории.

— Ага. А потом ты полночи нёс этот «камень» на руках, — поддакнул Стас, за что тут же получил от меня тяжелый взгляд.

— Стас, заткнись.

— Не могу. Это слишком редкий контент.

Я откинул голову на кожаную спинку дивана и прикрыл глаза. Внутри всё глухо гудело от раздражения. Оставалось только надеяться, что эти гиены скоро разбредутся кто куда, и я смогу хотя бы нормально приготовить себе завтрак в тишине.

На кухне тем временем что-то грохнуло.

— Ай!

— Лен, ты что там опять уронила?! — заржал Игорь.

— Ничего!

— Судя по звуку — кухню.

Я невольно усмехнулся прямо в кружку, чувствуя, как абсурд этого утра начинает забавлять. И тут мой взгляд зацепился за что-то странное под журнальным столиком возле дивана.

Точнее — за мой фирменный бумажный пакет, который я позавчера оставил тут после шопинга. Пакет выглядел... зловеще. Плотное крафтовое дно насквозь пропиталось чем-то багрово-тёмным, высохшим и покоробившимся. Я нахмурился, наклонился и вытащил его наружу.

— Это ещё что за...

Покрутил в руках. И тут же в нос ударил отчётливый запах вина. Красного. Очень знакомого красного вина.

Я медленно прикрыл глаза, чувствуя, как по венам растекается опасный жар. Потому что единственный человек в нашей компании, который предпочитает исключительно сухое красное и обладает талантом устраивать локальный апокалипсис на ровном месте, — это, конечно же...

— Кирьянова! — рывкнул я в сторону спальни.

Глава 16. Проблема №6

Ульяна

В комнату влетел Глеб.

Не просто раздражённый. По-настоящему разъярённый.

Он с глухим, тяжелым ударом швырнул на кровать крафтовый бумажный пакет и мрачно выдохнул сквозь зубы:

— Проблемная, ты серьёзно?!

Я испуганно уставилась сначала на него, потом на несчастную упаковку. Извилины после сонного утра еще не успели перестроиться в режим жесткой обороны, и внутри шевельнулся самый настоящий страх. Глеб сейчас казался огромным и пугающим.

— Что... что случилось? — попятилась я к подушкам.

— Ты пила вино на моем диване?! — его голос вибрировал от опасного, низкого гула.

— На твоём?! — автоматически вскинулась я, пытаюсь защититься злостью.

— Да, на моём. Я теперь там сплю, если ты забыла!

Он резко, с треском дёрнул края пакета, раскрывая его прямо передо мной.

— Я оставил под журнальным столиком новые вещи из молла. И теперь они все, чёрт возьми, пропитаны вином!

Я ошеломлённо перевела взгляд вниз.

Из пакета действительно тянуло сладким запахом Merlot.

Глеб тем временем достал белое поло.

Точнее, то, что от него осталось.

Светлая ткань была полностью залита тёмно-красными пятнами, будто её кто-то специально окунул в сангрию.

И даже это умудрялось выглядеть дорого.

Очень дорого.

На пакете красовался знакомый бренд, который я обычно видела только в витринах магазинов, куда заходят люди с совершенно другой зарплатой. Я машинально зацепила пальцами свисающую бирку. 500 €. Пятьсот. Евро.

У меня медленно, против воли округлились глаза. В комнате повисла пауза.

А потом Самойлов коротко бросил:

— Купишь новую.

Стрельнул в меня тяжёлым взглядом и вышел из комнаты, с такой силой хлопнув дверью, что задрожали стёкла в рамах.

Глеб

Я вышел из комнаты и с раздражением захлопнул дверь — чуть сильнее, чем собирался, так что краска на косяке, кажется, жалобно хрустнула.

Да что с ней, блять, не так?!

Я устало провёл рукой по лицу и пошёл на кухню, на ходу пытаясь вернуть себе привычный холодный дзен. Нет, дело было даже не в самой шмотке. Хрен с ним, с этим поло. Просто эта Надменная каким-то непостижимым, невероятным образом умудрялась превращать в тотальный хаос во-

обще всё, к чему прикасалась. Будто рядом с ней постоянно происходило маленькое стихийное бедствие.

И что бесило сильнее всего — она каждый раз искренне, свято удивлялась последствиям. Мажорка комнатная, привыкла, что за ней всю жизнь няньки дерьмо разгребают. На кухне всё ещё лениво висели Игорь с Леной. Ленка залипала в телефоне, аристократично закинув ногу на ногу в шелковом халате, а Игорь безжалостно уничтожал вчерашние остатки пищи прямо из картонной коробки.

— О, живой, — хмыкнул он, увидев меня. — А где твоя боевая подруга?

— Не начинай, — процедил я, даже не поворачивая головы.

— Так я ещё ничего не сказал.

Лена медленно, с долей явного превосходства подняла глаза от экрана.

— Вы реально как женатая пара в самом разгаре экзистенциального кризиса.

— Спасибо за семейную консультацию, — сухо ответил я, скручивая крышку с ледяной бутылки воды.

— Да ладно тебе, сигмабой, — Игорь сыто усмехнулся, вытирая пальцы салфеткой. — Весело же. Колорит.

— Очень. Обхохочешься.

Я сделал несколько жадных глотков, чувствуя, как ледяная влага немного остужает горло, и устало опёрся ладонями о гранитную столешницу. За распахнутым окном всюю

шуршала сонная лигурийская улица. Где-то лениво переговаривались местные, из кафе напротив доносились переборы гитары, пахло нагретым южным камнем, морем и базиликом из пиццерии внизу. Италия жила своей красивой ослабленной жизнью. А я почему-то уже который день чувствовал себя так, будто меня специально проверяют на прочность в закрытом вольере.

— Она тебя бесит только потому, что чертовски на тебя похожа, — вдруг абсолютно спокойно, без капли прежнего стёба выдал Игорь.

Я нахмурился, чувствуя, как к горлу подкатывает глухое отрицание.

— Вообще мимо.

— Ой да ладно.

— Игорь, она избалованная, импульсивная и вообще не думает о последствиях.

Лена тихо усмехнулась:

— А ты сейчас звучишь как мой папа, когда видит молодёжь на самокатах.

— Спасибо вам всем огромное. Вы очень помогаете мне расслабиться в этом отпуске.

— Пожалуйста, — невозмутимо кивнула она и снова уткнулась в телефон.

На кухне повисла короткая, душная тишина. Потом Игорь лениво потянулся всем своим немаленьким корпусом, со скрипом поднялся из-за стола и с максимально пафосным,

серьезным видом произнёс:

— Hasta la vista, baby.

— Это вообще-то по-испански, гений, — автоматически, не поднимая головы, поправила Ленка.

— Асталависта бейби, — важно повторил Игорь, выдав такой жуткий, ломаный акцент, что мертвые терминаторы перевернулись бы в жидком металле. — Интернациональная классика.

И ушёл к себе в комнату.

Ульяна

До открытия магазинов оставалось ещё несколько часов, и по затихшим звукам из гостиной стало понятно, что она окончательно опустела. Все разбрелись. Я украдкой, на цыпочках пробралась на кухню, чувствуя себя так, будто совершала ограбление века. Почти не дыша, достала продукты из недр холодильника, на скорую руку соорудила нехитрый бутерброд, налила чай и так же бесшумно, как тень, скользнула обратно в свою комнату.

На балконе по утрам было особенно хорошо. Солнце только-только поднималось над черепичными крышами, розовые бутоны в горшках лениво шевелились от легкого ветра, а итальянский городок внизу казался мягким, акварельным и сонным. Я устроилась на стуле, подтянула колени к груди и тяжело, по-взрослому выдохнула, уткнувшись подбородком в джинсу.

Сегодня по плану у всех была безупречная поездка на ях-

те. Ещё вчера я в красках представляла этот день: бескрайняя лазурь, брызги, музыка, пропитанный солью воздух и красивые глянцевые фотографии на фоне отвесных скал. Но теперь реальность внесла свои коррективы. Вместо палубы и шампанского мне предстояло тащиться в элитный бренд-бутик и покупать Самойлову новую футболку взамен той, что я так эпично похоронила в Merlot. И от одной этой мысли внутри всё неприятно сжималось в тугой ком. Меня трясло от несправедливости.

Из соседнего распахнутого окна вдруг послышался звонкий смех Юльки.

— Стас, убери руку, жарко...

— Это любовь, женщина. Терпи.

— Любовь моя, ты вешишь как бетономешалка, перека-
тись на свой край!

Я невольно улыбнулась в кружку.

Через стену что-то пробормотала Лена.

Игорь тут же абсолютно спокойным голосом ответил:

— Нет, я не снова сплю. Я просто лежу с закрытыми глазами и морально готовлюсь общаться с людьми.

— Ты старый ворчун, — сонно сказала Лена.

— Зато стабильный.

Квартира постепенно оживала, наполняясь привычным ленивым шумом отпуска. И только у меня внутри с каждой минутой становилось всё тяжелее и паршивее. Когда магазины наконец открылись, я ушла раньше всех. Быстро. Почти

сбежала.

Минут двадцать я просто потерянно ходила между идеально выверенными рядами брендового бутика, морально готовя себя к этой покупке как к прыжку с обрыва. Пять соток. За классическое, базовое поло.

Нет, я, конечно, разумом понимала, что существуют люксовые бренды, премиальное качество, статус и всё такое. Но мой внутренний прагматик никак не мог уложить это в голове. Кто вообще покупает себе обычные белые футболки за стоимость хорошего графического планшета? И главное... кто такой этот Глеб Самойлов, если для него это просто повседневная одежда, которую можно небрежно швырнуть под журнальный столик и благополучно забыть?

Назад в квартиру я вернулась так же тихо, стараясь ни с кем не пересекаться. Новая вещь, упакованная в шуршащий крафтовый пакет, казалась мне сейчас неприлично, преступно дорогим куском ткани, который я буквально оторвала от своего бюджета.

Глеб сидел в гостиной один спиной ко мне. Перед ним стоял наполовину пустой стаканчик кофе из кофейни на первом этаже. Он сидел в абсолютной, густой тишине и даже не повернул головы, когда я вошла — будто не удивился моему появлению.

Я молча подошла к дивану и поставила пакет на кофейный столик прямо перед ним.

— Вот.

Голос против воли прозвучал тише и глуше, чем я планировала. Горло перехватило от обиды. Самойлов медленно перевел тяжелый, холодный взгляд на золотистый логотип на пакете. Потом так же неторопливо посмотрел на меня. На секунду его зрачки замерли, будто он собирался что-то сказать или съязвить в своей привычной манере. Но вместо этого он просто коротко, едва заметно кивнул и снова сделал глоток кофе.

Даже элементарного «спасибо» не выдавил. Хотя, если быть до конца честной, радоваться тут было нечему — он просто вернул свое. А я осталась стоять перед ним с пустым карманом и пылающим от неприязни сердцем.

В этот момент в квартиру шумно, с улицы, ввалились остальные. Юлька озадаченно и на ходу что-то искала в телефоне. Стас, отдуваясь, тащил огромные пакеты с водой и чипсами. Лена с порога уже командовала всеми одновременно, задавая ритм этому дню:

— Так, ребята, через два часа выезжаем. Я всё забронировала и оплатила.

— Обожаю богатых организованных женщин, — пробормотал Игорь.

— С вас по пятьсот евро, — невозмутимо закончила Лена. У меня внутри всё резко, до тошноты похолодело. Ноги в секунду стали ватными. Пятьсот евро? Еще пятьсот?!

Я подняла голову. Посмотрела сначала на Лену, которая уже что-то деловито объясняла Стасу, потом на Юльку. За-

тем снова вниз, на свои мелко подрагивающие пальцы. Пакет с поло Самойлова всё еще сиротливо белел на журнальном столике. Мой бюджет на поездку, который я собирала по крупицам, просто переставал существовать.

— И... на меня тоже забронировала? — тихо, почти беззвучно спросила я.

Лена удивлённо вскинула идеально очерченные брови.

— Конечно. Мы же одна банда.

— Но... мы же не договаривались.

— Как это не договаривались? — спокойно, без тени сомнения ответила она. — Мы вчера ещё в машине всё обсуждали. Ты же сама кивала.

Я почувствовала, как лицо начинает заливать удушливый, лихорадочный жар. Горло перехватило спазмом. Юлька растерянно посмотрела на меня, явно начиная что-то подозревать.

А я вдруг отчетливо поняла, что сейчас либо расплачусь прямо здесь, под прицелом пяти пар глаз, либо провалюсь сквозь этот стильный итальянский паркет от жгучего, парализующего стыда и собственной беспомощности.

Поэтому встала и ушла в комнату, быстро закрыв за собой дверь. В комнате я дрожащими пальцами выудила телефон. Несколько секунд тупо смотрела на светящийся экран, пытаясь унять внутреннюю дрожь и придумать, как вообще это нормально сформулировать. Зубы стучали. Сорвав кутикулу до крови, я быстро набрала Юльке сообщение:

«Объясню позже. У тебя есть пятьсот евро? Дома отдам!»

Сообщение улетело сразу, оставив после себя сосущую пустоту в груди. А я медленно опустилась на край кровати и закрыла лицо ладонями. Господи. Как же унижительно и жалко всё это выглядело.

За дверью, в гостиной, шумно смеялись ребята. Стас с Игорем наперебой спорили о плейтисте для палубы, Юлька обсуждала, какой купальник лучше подчеркнет загар. Жизнь там была ключом. А я сидела в комнате и пыталась понять, как всего за три дня благословенного отпуска умудрилась превратить свою жизнь в финансовую катастрофу — из-за одной гребаной белой футболки и одного абсолютно невозможного мужчины.

Глеб

Проблемная резко встала из-за стола и сбежала в спальню. Дверь закрылась слишком быстро, с глухим, нервным стуком — нетипично для принцессы, у которой, как она любит уверять, «всё нормально».

Мы проводили её взглядами.

— Чего это с ней? — нахмурился Стас, открывая бутылку воды.

— Может, давление от жары, — лениво предположила Лена, листая бронь яхты в телефоне. — Тут солнце адское.

Юлька всё ещё смотрела в сторону комнаты Ульяны.

Потом у неё тихо пикнул телефон.

Она машинально открыла входящее и замерла. Лицо из-

менилось. Перечитала строчки раз, другой. Я стоял у кухонного острова слишком близко и чисто случайно зацепился взглядом за подсвеченный экран.

«Объясню позже. У тебя есть пятьсот евро? Дома отдам!»

На секунду всё внутри меня неприятно, со скрипом остановилось. Я перевёл взгляд на закрытую дверь комнаты Ульяны. Потом снова на сообщение.

Пятьсот.

В долг.

Юлька тем временем вообще ничего не понимала и только растерянно нахмурилась:

— Странно... Зачем ей...

Но я уже почти не слушал.

Потому что в голове с глухими щелчками, слишком быстро и четко начали складываться куски пазла, который я до этого собирал совершенно неправильно. Её утренняя паника. То, как у неё округлились глаза при виде несчастной бирки. Как она полчаса назад молча, бледная, принесла этот чертов пакет с поло. Как напряглась из-за яхты.

И внутри впервые появилось очень неприятное ощущение, что я всё это время вообще не туда смотрел.

Я молча поставил стаканчик кофе на стол.

— Ты куда? — сразу спросил Стас.

— Сейчас приду.

И, не объясняя ничего больше, пошёл прямо к комнате Ульяны. С каждым шагом внутри закипала злость — на этот

раз на самого себя.

За спиной Игорь тихо протянул:

— О-о. Сейчас будет либо драка, либо свадьба.

— Игорь! — шикнула Лена.

— Что? Я просто анализирую невербальную динамику Самойлова. У него челюсть свело.

Хорошо, что музыку в гостиной сделали громче.

Игорь что-то уже орал со Стасом про плейлист, Юлька смеялась, Лена спорила с кем-то по телефону насчёт брони. Поэтому, когда я зашёл в комнату Ульяны, нас никто не услышал.

Она металась по комнате от стены к стене. Маленькая. Растерянная. Напряжённая.

От прежней колючей и надменной девицы не осталось и следа. Глаза у неё подозрительно блестели, но она упрямо сжимала зубы, запрещая себе реветь. Увидев, что я зашёл, Ульяна резко отвернулась и начала зачем-то копаться в шкафу, будто внезапно именно сейчас ей срочно понадобились вещи.

Я молча закрыл за собой дверь, отсекая шум гостиной. Несколько секунд просто стоял у входа, разглядывая её напряжённую спину. И это молчание давило на нас обоих. Она наверняка ждала от меня очередной порции пренебрежения или ехидства.

— В чём дело? — спокойно спросил я.

— Ни в чём, — слишком быстро, неестественно звонко

ответила она, не поворачивая головы. — Всё нормально. Собираюсь.

Я сделал несколько шагов по прохладному каменному полу. Остановился прямо за её спиной — так близко, что отчетливо разглядел её незащитную, тонкую шею.

— Ульяна.

Она замерла. Тонкие, побелевшие пальцы жёстко вцепились в пластиковую вешалку. Я впервые назвал её по имени, а не «Проблемной» или «Новенькой». И от этого простого звука её дурацкая защитная броня дала трещину.

— Это из-за меня? — тихо спросил я.

Она резко, судорожно выдохнула.

— Я сама виновата. Действительно Проблемная.

Пазл в моей голове сошелся окончательно, и углы у этого пазла оказались смертельно острыми для моего эгоизма. Избалованные принцессы так себя не ведут. Принцессы не просят у подруг деньги в долг по смс.

— Давай не будем об этом, — тихо, почти умоляюще сказала Ульяна

И снова уткнулась в шкаф. Будто внезапно вещи внутри стали самым интересным объектом в мире. Я молча смотрел ей в спину. На напряжённые плечи. На то, как она изо всех сил делает вид, что занята.

И внутри меня прямо сейчас с грохотом рушился тот образ капризной мажорки, который я сам себе услужливо нарисовал в аэропорту, едва увидев её чемодан. Ульяна всё ещё

стояла ко мне спиной. Маленькая, упрямая и сейчас совершенно беззащитная. И я вдруг начал вспоминать какие-то мелочи.

Как вчера в ресторане она дольше всех смотрела меню. Как девчонки таскали пакеты после шопинга, а у неё за все дни так ничего и не появилось. Как Лена вчера смеялась над какими-то босоножками за семьсот евро, а Ульяна тогда только тихо, как-то отстраненно хмыкнула и обронила: «За такие деньги они должны сами ходить».

И я впервые за всё время нашего знакомства почувствовал себя полным идиотом.

Из гостиной сквозь дверь донёсся раскатистый голос Ста-са:

— Да не ставь ты этот плейлист! Там половина песен про мафию!

— Это атмосфера Италии! — возмущённо крикнул Игорь.

— Это атмосфера ареста!

Юлька смеялась. Лена выбирала, какую шляпу брать на яхту.

Обычная жизнь продолжалась.

А я всё ещё стоял посреди комнаты Ульяны. Она так и не повернулась. Неловкость стала почти физической, и я понял, что сейчас лучше просто уйти.

Без допросов.

Без попыток что-то выяснить.

Поэтому молча вышел из комнаты и прикрыл дверь. На кухне Юлька как раз искала зарядку среди проводов. Я подошёл к ней и незаметно сунул в руку сложенные купюры.

Она удивлённо подняла глаза.

— Передай Лене, — тихо, одними губами приказал я. — Скажи, это от Ульяны.

Юлька нахмурилась ещё сильнее.

— В смысле от Ульяны?

— Просто передай.

Она переводила взгляд с купюр на меня, явно вообще ничего не понимая. Я резко развернулся и ушел к выходу на террасу. Внутри всё глухо кипело.

Глава 17. Цена независимости

Ульяна

Пока остальные шумно и хаотично собирались на яхту, я впервые за все последние дни чувствовала себя по-настоящему, оглушительно одиноко. Из комнаты доносился смех Юльки, Стас опять не мог найти плавки, Лена кого-то торопила, Игорь уже открыл пиво «для настроения», хотя на часах ещё не было двенадцати.

А я сидела на балконе, обняв колени руками, и смотрела вниз на узкую итальянскую улицу. Солнце уже всю палило, нагревая старую терракотовую черепицу крыш. Внизу кто-то лениво и размеренно крутил педали велосипеда. На соседнем балконе пожилая итальянка привычным движением развешивала белоснежное бельё под доносившиеся из глубины её квартиры хриплые переборы старой музыки.

Жизнь вокруг была такой красивой, тёплой и лёгкой. Город жил так спокойно, будто у людей здесь априори не бывает проблем с деньгами.

Юлька так и не ответила.

Наверное, просто не увидела.

Я открыла банковское приложение и ещё раз посмотрела на остаток.

Потом быстро закрыла.

Нет. Если я сейчас отдам эти пятьсот евро за палубу, то

оставшиеся 10 дней отпуска мне придётся буквально считать каждый цент.

Я тяжело выдохнула и перевела взгляд на тонкую полоску лазурного моря, которое заманчиво виднелось в просвете между домами. Ну и ладно. Не поеду я на эту яхту. Ничего со мной не случится. Посижу на городском пляже, почитаю книгу.

Зато не останусь никому должна.

Хотя внутри всё равно было горько. До слёз обидно. Потому что я действительно очень ждала этот день.

Глава 18. Привкус вины

Глеб

Я в это время сидел один на террасе наверху. Шум компании начал утомлять. Я медленно пил остывший кофе из бумажного стаканчика и безучастно смотрел на раскинувшийся внизу город. Внизу гудели улицы. Средиземное море переливалось ослепительно-синим, почти ядовитым гляncем под полуденным солнцем. Где-то на набережной играла музыка. Обычная, рафинированная, идеальная Италия. Только внутри, прямо под ребрами, мертвым грузом засело липкое, крайне паршивое чувство.

Я перегнул. Жестко, по-хамски перегнул палку.

Нет, я всё ещё злился из-за всего и Кирьянова по-прежнему умудрялась раздражать сильнее всех знакомых людей. Но теперь это раздражение изменило траекторию, стало другим. Более... сложным. Многослойным. И отдавало привкусом вины, которую я органически не переносил.

Перед глазами всплыло её лицо, когда она смотрела на ценник. То, как она испуганно пряталась в шкафу, лишь бы не признаваться в финансовой яме.

И внутри снова неприятно кольнуло.

— О, вот ты где затихарился, — Игорь поднялся на террасу с пакетом льда. — От людей бегаешь?

— Я отдыхаю от вас.

— Врёшь. Ты думаешь.

Я усмехнулся краем губ, но ничего не ответил. Игорь бросил лёд на стол и внимательно, с долей ехидства посмотрел на меня исподлобья.

— Только не говори, что тебе начала нравится Проблемная.

— Даже не спрашивай.

— Значит начала.

— Игорь.

— Всё-всё, молчу. — довольно констатировал он, поднимая руки вверх в защитном жесте и пошёл обратно к лестнице.

Я остался в полном одиночестве, впервые за много лет вообще не понимая, что за каша варится у меня в башке. Откинулся на жесткую спинку шезлонга и шумно выдохнул сквозь зубы в знойный воздух.

Вообще-то я давно и осознанно привык жить один. Спокойно. Системно. Без вот этих бабских качелей, хлопающих дверей, перепалок на кухне и чужих слёз за стенкой.

Женщины в моей жизни обычно были другими. Красивыми. Уверенными. Статусными. Знающими цену брендам, ресторанам и собственному времени. С ними всё было прозрачно и предсказуемо.

А Кирьянова...

Она была концентрированным хаосом. Стопроцентным. Колючая. Гордячка. Постоянно спорит. Постоянно огрыза-

ется. Вечно притягивает косяки.

И теперь я вообще хрен знал, как смотреть ей в глаза. Внутри впервые в жизни ворочалось какое-то странное, чужеродное чувство заботы. Не жалости — жалость я презирал. Именно заботы.

Будто хотелось просто... решить её проблему и чтобы она перестала так смотреть. Так напряжённо. Так настороженно.

Это ощущение бесцеремонно ломало мои личные границы. И, если честно, знатно выбешивало. Потому что я не планировал ни во что вовлекаться. Не хотел, чтобы проблемы Проблемной вдруг становились моими.

Особенно когда знаю её всего несколько дней...

— Самойлов! — громогласный ор донёсся снизу, разбивая мои думы вдребезги.— Мы вообще сегодня поплывём или ты там медитируешь?!

Я невольно усмехнулся. Стасон в своем репертуаре. Стабилен как скала.

— Иду, не ори, — крикнул я в ответ.

Я поднялся с шезлонга, смял в кулаке пустой кофейный стаканчик и ещё раз коротко обвёл взглядом залитый солнцем город. А потом медленно пошел вниз, навстречу этому дню.

Глава 19. Поехали! Или приплыли

Ульяна

Я всё ещё сидела на балконе, перебирая пальцами край шорт, когда дверь комнаты тихо открылась. Юлька осторожно заглянула внутрь, окинув меня оценивающим взглядом.

— Ты чего ещё не собралась?

Я удивлённо подняла на неё глаза.

— В смысле?

— В прямом! Едем, подруга.

Я нахмурилась.

— Ты же мне не ответила.

Юлька странно махнула рукой:

— Всё нормально, поехали. Всё уже оплачено!

И тут же скрылась в комнате, даже не дав мне нормально ничего спросить. Я несколько секунд просто сидела, пытаюсь осознать услышанное.

Потом резко вскочила.

Сердце внутри радостно подпрыгнуло так сильно, что я чуть не рассмеялась. Я быстро схватила сумку, купальник, парео, кое-как запихнула всё внутрь и почти выбежала в гостиную.

На ходу затягивая волосы в хвост, я поняла, что впервые за весь этот бесконечный, дурацкий день мне снова стало дышать легко и правильно. Нас ждало море.

Глеб

До порта мы ехали шумно и весело.

Точнее, основной децибельный удар на себя брали Стас с Юлькой. Они вообще перманентно существовали в каком-то своём автономном режиме вечной, классической итальянской семьи с битьем посуды и бурными примирениями.

— Я тебе говорила взять защитный крем! — пилила его Юлька, пытаясь перекричать свист ветра в полуоткрытых окнах минивэна.

— Я взял!

— Стас, это масло для интенсивного загара! С нулевой защитой!

— Ну а что, я должен был читать по-итальянски?!

— Там солнце и ноль нарисовано, гений!

Игорь уже ржал с переднего сиденья:

— Вы бы ещё моторное масло взяли вместо крема.

— Не подсказывай ему! А то намажётся! — возмутилась Юлька.

Лена тем временем сидела впереди, красиво закинув ногу на ногу, будто ехала не в минивэне, а снималась для рекламы дорогого курорта. На ней был лёгкий белый костюм поверх купальника, огромные дизайнерские очки и какая-то невозможная соломенная шляпа, которую она периодически поправляла с видом женщины, привыкшей, что на неё смотрят.

Хотя, если честно, смотрели действительно все.

Даже горячие итальянские мачо на пролетающих мимо

мотоциклах сворачивали шеи на светофорах.

— Лен, ты специально так упаковываешься, чтобы другие женщины комплексовали? — поинтересовался Игорь, с явным удовольствием рассматривая свой личный трофей.

— Да, — спокойно ответила она.

— Честно хотя бы.

— А смысл врать?

Стас заржал.

— Игорь, ты вообще как её терпишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.